

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

В. К. ПИЧУГИНА

ОТНОШЕНИЕ ЦИЦЕРОНА
К ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И
ОБРАЗОВАНИЮ¹
ГАРОЛЬД ГУАЙТ

УДК 1(092)(091)

ББК 87.3(0)323-255 Цицерон

Статья Гарольда Гуайта «Отношение Цицерона к грекам» впервые публикуется на русском языке. Г. Гуайт — специалист по античной истории, доцент Ибаданского университета (Нигерия), профессор университета Зимбабве-Родезии, в 1970-е гг. президент МакМастерского университета (Канада). Его работы знакомы исследователям, специализирующимся в разных сферах истории образования и культуры античного мира. В данной статье, как и во всех работах Гуайта, представлено панорамное видение истории античной культуры, в которой особое место занимал Марк Юлий Цицерон (106 до н.э. — 43 до н.э.). Оратор, политик, философ и общественный деятель эпохи, которая предшествовала падению Империи, Цицерон оказал огромное влияние на древнеримскую, а затем и всю европейскую педагогику. Многочисленные источники, отражающие жизненный и творческий пути Цицерона, позволяют говорить о том, что последствия его прихода на педагогическую арену были не менее значительны, чем последствия его прихода на политическую арену. Корпус сочинений Цицерона представляет собой своеобразную экспозицию образовательного идеала древнегреческих наставников, принятого римлянином с некоторыми поправками. Представления Цицерона о греках были неотделимы от представлений об их образовательном идеале и путях его достижения. Эти достаточно противоречивые представления и были структурированы в статье Г. Гуайта, что дало нам право изменить название его статьи при переводе.

Статью «Отношение Цицерона к грекам» предваряет следующий комментарий автора: «В сравнении с работой (Систер М. А., Трауард О. П.) “Позиция Цицерона по отношению к грекам” (Чикаго, 1942), которая предлагает другой подход к той же самой проблеме. Превосходный очерк “Эллинизм

¹ Guite H. Cicero's Attitude to the Greeks / Y/ Guite // Greece & Rome, Second Series, 1962. — Vol. 9, —№ 2. — PP. 142–159. Перевод с английского В. К. Пичугиной, пер. с лат. и подбор русских переводов с латинского Я. А. Волковой, вст. статья и комментарии В. К. Пичугиной. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-06-00004а.

Цицерона и его друзей” в книге Дж. П. Махаффи “Серебряный век греческого мира” (Чикаго, 1906), часть VII. Я обязан некоторыми деталями моему коллеге А. Р. Хендсу». Этот комментарий иллюстрирует то, что тема отношения Цицерона к грекам продолжает оставаться актуальной, хоть и не является новой¹. В комментарии Х. Ф. Гуайт подчеркивает, что статья носит полемический характер, а в содержании расставляет акценты в этой полемике: неоднозначность оценки отношения Цицерона к грекам во многом обусловлена неоднозначностью отношения к самому Цицерону. Поскольку статья адресована тем, кто способен при чтении развернуть достаточно широкую временную перспективу, сопоставив сочинения Цицерона с его биографией и биографиями его современников, мы посчитали целесообразным дополнить перевод расширенным комментарием, который конкретизирует педагогические представления Цицерона. Сколько-нибудь подробного педагогического комментария к изданиям трудов Цицерона не существует. Комментарий к данной статье является первой попыткой построения такого комментария с опорой на существующие комментированные издания (Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова; пер. Ф. А. Петровского, коммент. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972; Тускуланские беседы М. Туллия Цицерона. Вып.1, кн.1: О презрении к смерти. / подстроч. пер. с коммент. и выбранными словами. Одесса: Типография В. Кирхнера, 1885; Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. с лат. Н. А. Федорова; вступ. ст. Н. П. Гринцера; коммент. Б. М. Никольского. М.: РГГУ, 2000; Цицерон. Философские трактаты / отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Г. Г. Майоров; пер. с лат. М. И. Рижского. М.: Наука, 1985; Цицерон. Эстетика. Трактаты, речи, письма / сост. и вст. ст. Г. С. Кнабе, пер. М. Л. Гаспарова, В. О. Горенштейн и др.; коммент. Н. А. Кульковой, Е. П. Орехановой. М.: Искусство, 1994), а также следующие работы: Елизарова Н. М. Выступления рабов и угнетенных народов римских провинций (по данным Цицерона) // Античный мир и археология, 1972. Вып. 1. С. 77–93; Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010; Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, 2011 и др.).

¹ См.: Degraff Th. B. Plato in Cicero // *Classical Philology*, 1940. Vol. 35, № 2. PP.143–153; Laughton E. Cicero and the Greek orators // *American Journal of Philology*, 1961. Vol. 82, № 1. PP. 27–49; Naim J. A. Cicero and his Greek originals // *PCA*, 1932. № 29. PP. 29–33; Nicgorski W. J. Cicero on Education: The Humanizing Arts // *Arts of Liberty*, 2013. Retrieved from <http://www.artsofliberty.org/cicero-education-humanizing-arts>; Scribner H. S. Cicero as a Hellenist // *The Classical Journal*, 1920. Vol. 16, № 2. PP.81–92; Showerman G. Cicero's Appreciation of Greek Art // *American Journal of Philology*, 1904. № 25 PP. 306–314 et al. Отечественному читателю знакомы, например, следующие работы: Нахов И. М. Цицерон и греческая культура // Цицерон: 2000 лет со времени смерти. М., 1959. С.72–104; Никишин В. О. Цицерон и греки // *Studia historica*, 2011. XI. С. 167–189 и др.

Г. Гуайт приводит в статье цитаты из сочинений и писем Цицерона исключительно на латинском языке, часть из которых не переведена на русский язык. В комментариях переводы приведены по имеющимся русским изданиям или, если они не указаны, выполнены переводчиком. Ссылки, имеющиеся в русских переводах, приведены с указанием издания. Сравнивая разные версии одного сочинения, мы стремились включить только те переводы, в которых по сравнению с оригиналом минимальны потери или приобретения дополнительных смысловых акцентов латинского источника. При существенных смысловых изменениях, независимо от того, существует ли русский перевод, перевод выполнен переводчиком. Цитаты, приведенные Г. Гуайтом, сохранены, чтобы читатель мог при необходимости сопоставить перевод с оригиналом. Во всех случаях, при отсылке к оригинальному тексту или конкретному человеку (современнику, другу, родственнику, древнегреческим или древнеримским авторам и т. д.), название или имя приводится по-латыни. Чтобы избежать нагромождения, в текст включены постраничные сноски с комментариями одного из переводчиков. Указания на конкретные фрагменты источника Г. Гуайта внесены в скобки и отмечены полужирным шрифтом с сохранением авторского стиля, а его пояснения и комментарии отмечены римскими цифрами и вынесены в конец статьи.

Ключевые слова: античная педагогическая мысль; наследие Цицерона; древнегреческая культура и образование.

CICERO'S ATTITUDE TO THE GREEK CULTURE AND EDUCATION

The article by Harold Guite "Cicero's Attitude to the Greeks" is first published in Russian. H. Guite is a specialist in ancient history, associate professor of the University of Ibadan (Nigeria), professor at the University of Zimbabwe-Rhodesia, in the 1970s, President of McMaster University (Canada). His works are well familiar to researchers specializing in the history of education and culture of the ancient world. This article, like all Guite's works, presents a panoramic vision of the history of ancient culture in which a special place is occupied by Mark Julius Cicero (106 BC – 43 BC). An orator, politician, philosopher and public figure of the epoch that preceded to the fall of the Empire, Cicero had a huge impact on the ancient Roman and later on all European pedagogics. Numerous sources, reflecting Cicero's life and career, suggest that the effects of his coming into the educational arena were no less significant than the consequences of his moving to the political scene. Cicero's works are a kind of exposition of the educational ideal of Greek mentors adopted by the Roman with some improvements. Cicero's ideas of the Greeks were inseparable from

¹ Early Childhood Teacher Education Program.– Illinois State University, 2012. – 67 p.

² NBPTS, National Board for Professional Teaching Standards <http://www.nbpts.org/>

the ideas of their educational ideal and the ways to achieve it. Those quite contradictory views were structured in H. Guite's article, which gave us the right to change the title of his article at translation.

The article "Cicero's Attitude to the Greeks" is preceded by the author's commentary, "Cf. Sister M. A. Trouard, O.P., Cicero's Attitude towards the Greeks (Chicago, 1942), which offers a different approach to the same problem. There is an excellent essay on 'The Hellenism of Cicero and his friends' in J. P. Mahaffy, *The Silver Age of the Greek World* (Chicago, 1906), ch. vii. I am indebted for several details to my colleague Mr. A. R. Hands." This commentary illustrates the fact that the theme of Cicero's attitude to the Greeks continues to be relevant, though not a new one. H. Guite's commentary stresses a polemical character of the article and highlights the key points in this debate: the ambiguity of evaluating Cicero's attitude to the Greeks is largely due to the ambiguity of the attitude to Cicero himself. As the article is addressed to those who are able to deploy a sufficiently broad time perspective comparing the writings of Cicero with his biography and biographies of his contemporaries, we felt it appropriate to supplement the translation with extended commentary which specifies Cicero's pedagogical views. There is no detailed pedagogical commentary to Cicero's works. The commentary to this article is the first attempt to create such a commentary based on existing annotated editions (Mark Tullij Ciceron. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve / pod red. M.L. Gasparova; per. F.A. Petrovskogo, komment. M.L. Gasparova. M.: Nauka, 1972; Tuskulanskie besedy M. Tullija Cicerona. Vyp.1, kn.1: O prezrenii k smerti. / podstroch. per. s komment. i vybrannymi slovami. – Odessa: Tipografija V. Kirhnera, 1885; Ciceron. O predelah blaga i zla. Paradoksy stoikov / per. s lat. N.A. Fedorova; vstup. st. N. P. Grincera; komment. B. M. Nikol'skogo. M.: RGGU, 2000; Ciceron. Filosofskie traktaty / otv. red., sost. i avt. vstup. st. G.G. Majorov; per. s lat. M. I. Rizhskogo. M.: Nauka, 1985. Ciceron. Jestetika. Traktaty, rechi, pis'ma / sost. i vst. st. G.S. Knabe, per. M.L. Gasparova, V.O. Gorenshtejn i dr.; komment. N.A. Kul'kovej, E.P. Orehanovoj. M.: Iskusstvo, 1994), a takzhe sledujushhie raboty: Elizarova N.M. *Vystuplenija rabov i ugnetenih narodov rimskih provincij (po dannym Cicerona) // Antichnyj mir i arheologija, 1972. Vyp. 1. S. 77-93; Skrzhinskaja M.V. Drevnegrecheskie prazdniki v Jellade i Severnom Prichernomor'e. SPb.: Aletejja, 2010; Tokarev A. N. Stanovlenie oficial'noj ideologii principata imperatora Avgusta. Har'kov: Har'kovskij nacional'nyj universitet im. V.N. Karazina, 2011, et al.).**

H. Guite cites quotations from Cicero's works and letters exclusively in Latin. Some of these quotations have not been translated into Russian. In the commentary, translations correspond to the available Russian editions or, if the latter are not listed, are performed by the translator. In Russian translations, references include the edition. Comparing the different versions of the same

work, we strove to include only those translations which have acquired no or minimum additional shades of meanings compared to the Latin original. In case of significant changes of meaning, regardless of whether there exists a Russian translation or not, the translation was performed by the translator. The quotations given by H. Guite are preserved so that the reader could compare the translation with the original, if necessary. In all cases, when referring to a piece of the original text or a specific person (a contemporary, friend, relative, or some of ancient Greek and Roman authors, etc.), the title or the name is given in Latin. To avoid a mess, footnotes with the comments of one of the translators are included in the text. References to specific extracts from H. Guite's source are put in brackets and marked in bold preserving the author's style, and his explanations and comments are marked with Roman numerals and placed at the end of the article.

Key words: antique pedagogical thought; Cicero's legacy; old Greek education and culture.

Дедушке Цицерона приписывают наблюдение о том, что чем лучше римлянин узнавал греческий язык, тем больше негодеям он становился (**De Or. ii.265**). Тем не менее, один из его сыновей, Луциус, принадлежал к кругу людей, которые достаточно хорошо знали греческий, а другой — Марк — дал своим собственным детям греческое образование. Марк, отец оратора, похоже разделял преобладающий взгляд на то, что человек либо имел греческое образование, либо не имел никакого. В самом деле,

в 92-м, когда Цицерону было четырнадцать, вновь учрежденные римские школы риторики были закрыты цензорами¹ Крассом и Домицием (**Gell. XV.ii.2**). Согласно Цицерону, поводом послужило то, что римские школы были пародией на их греческие образцы: «*nam apud Graecos, cuiusmodi essent, videbam tamen esse praeter hanc exercitationem linguae doctrinam aliquam et humanitate dignam scientiam, hos vero novos magistros nihil intellegebam posse docere, nisi ut auderent*» (**De Or. iii.93-95**)². Среди этих школ была школа Луция Плотия

¹ Луций Лициний Красс (лат. Lucius Licinius Crassus) и Гней Домиций Агенобарб (лат. Gnaeus Domitius Ahenobarbus) — древнеримские политики, занимавшие ряд общественных должностей, в том числе и должности цензоров в 92 г. Итогом их цензорства стало закрытие риторических школ, подтолкнувшее состоятельных римлян, заинтересованных в хорошем образовании для своих детей, отправлять их на учебу в Грецию (прим пер. В. П.).

² «Ведь у греков, каковы бы они там ни были, я все-таки видел, кроме этой развязности языка, хоть какие-нибудь научные сведения и знания, достойные образованного человека; а эти новые наставники, как я убедился, не способны учить ничему, кроме дерзости» (приведено по: Цицерон. Оратор // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1972 // [Эл. ресурс] <http://ancientrome.ru/antlittr/cicero/tractates/deorat3.htm#s90>).

Галла¹, который, похоже, до ее закрытия привлек значительное число учеников. Светоний цитирует из письма к Титинню, в котором Цицерон вспоминает, не упоминая о закрытии школ, что он в свое время хотел пойти к Плотию, несмотря на заверения ученых людей в том, что греческий был лучшим инструментом образования (**Suet. Rhet. 2**). Обозревая свою карьеру в «Бруте», Цицерон открыто

одобряет решение Красса и Домиция²: «*commentabar declamitans — sic enim nunc loquuntur — saepe cum M. Pisone et cum Q. Pompeio aut cum aliquo cotidie; idque faciebam multum etiam Latine, sed Graece saepius, uel quod Graeca oratio plura ornamenta suppeditans consuetudinem similiter Latine dicendi adferebat, uel quod a Graecis summis doctoribus, nisi Graece dicerem, neque corrigi possem neque doceri*» (**Brut.**

¹ Сведения о Луции Плотие Галле (лат. L. Plot. Gallus) дошли до нас благодаря самому Цицерону, дважды упоминавшем о нем в диаметрально противоположном контексте. Оба упоминания зафиксированы в книге древнеримского биографа и энциклопедиста Гая Светония Транквилла «О грамматиках и риториках» (лат. De grammaticis et rhetoribus). Первое упоминание, на котором и акцентирует внимание Гарольд Гуайт в данной статье, является цитатой Светония из несохранившегося письма Цицерона Марку Титинни. В нем Цицерон вспоминает о Галле, который во время его юности организовал первую латинскую риторическую школу в Риме, как необычайно популярном наставнике. Цицерон пишет, что ему оставалось лишь сожалеть о невозможности стать одним из учеников Галла и утешаться мыслью о том, что греческое образование ничуть не хуже. Второе упоминание о Галле окрашено у Цицерона в совершенно иные тона и также зафиксировано у Светония, который указал, что в одной из своих речей Цицерон, не называя имени Галла, характеризует его как пустого и напыщенного «ячменного ратора». Светоний приводит эти противоречивые упоминания друг за другом, стараясь дать комплексную оценку Галлу, названному им «знаменитым преподавателем, о котором сохранилась память» (**прим пер. В. П.**).

² В этом одобрении объединены позиции Цицерона-политика, Цицерона-гражданина, Цицерона-оратора и Цицерона-ученика, который, как и большинство его современников, с некоторыми поправками принимал греческие идеалы в римском государстве. Не отрицая значимость обучения красноречию, римляне достаточно настороженно, а иногда и откровенно враждебно относились к ораторам, прошедшим специальную школу и умеющим управлять аудиторией в своих интересах. Гонению периодически подвергались то греческие, то латинские риторические школы: первые Сенат определял как чуждые римским нравам, а вторые — как центры опасного вольномыслия, так же не способствующие нравственному здоровью Империи. Решение о правительственном запрете на латинскую риторику, принятое цензорами Крассом и Домицием, способствовало тому, что римляне обратились к греческой риторике, в очередной раз столкнув ее лбом с греческой философией. Поток молодых людей, хлынувший из Рима на обучение к лучшим греческим риторам, вызвал зависть у греческих философов, которые стали яростно доказывать ненаучность и опасность риторики для всех, кто стремится к истинному знанию (**прим пер. В. П.**).

310) ¹. В этом же 46-м году в своих работах Цицерон объясняет свой успех как оратора обучением греческой философии: «fateor me oratorem, si modo sim aut etiam quicumque sim, non ex rhetorum officinis sed ex Academiae spatii exstitisse» (**Or. 12**)².

Но для Цицерона греческий был много большим, чем просто необходимым инструментом образования. Его юношеский перевод Арата (**N.D. ii.104**) и Ксенофонта (**Off.ii.87**) превосходил то, что от него требовали преподаватели³. После выпуска из

¹ «Я занимался “декламациями” – так ведь это теперь называют – нередко с Марком Пизоном и Квинтом Помпеем или еще с кем-нибудь ежедневно и делал это часто по-латыни, но еще чаще по-гречески: отчасти потому, что греческий язык с его богатством украшений приучал и по-латыни говорить подобным же образом, отчасти же и оттого, что, если бы я говорил не по-гречески, меня не могли бы поправлять и учить лучшие греческие наставники» (**приведено по:** Цицерон. Брут или о знаменитых ораторах // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1972. С. 322).

² «...и все же я заявляю, что меня сделали оратором – если я действительно оратор, хотя бы в малой степени, – не риторские школы, но просторы Академии» (**приведено по:** Цицерон. Оратор // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1972. С. 333).

³ В юности Цицерон перевел поэму «Явления и приметы» греческого поэта Арата из Солы (ок. 315–240) и сочинение «Ойкономия» (или «Домострой») Ксенофонта Афинского (ок. 430 – после 355 до н.э.), на что указал в трактатах «О природе богов» (лат. *De Natura Deorum*) и «Об обязанностях» (лат. *De Officiis*) соответственно (**прим пер. В.П.**).

школы он продолжил читать греков с такой жадностью и с таким постоянством, что в двадцать семь лет бросил уже преуспевающую практику, чтобы пройти двухгодичные курсы в Афинах и Малой Азии (**Brut. 314-16**). Возможно, Сулла и вынудил Цицерона бежать из Рима (**Plut. Sic. 3.4**), но никак не в лекционные залы Антиохии и остров Сипрос. Его назначение в г. Либлией⁴ в 75-м, вероятно, он принял также радушно, как и назначение Квинта⁵ в Азии в 61-м. Назначение Квинта было предметом приятного, но малопонятного и тревожного письма к Аттику⁶,

⁴ Либлией – город на западном берегу о. Сицилия (ныне – г. Марсала); крупный торговый центр, в котором началась политическая карьера Цицерона в должности квестора. Прешедший квестрий, т. е. избранный на первую магистратскую должность, согласно закону, становился членом Сената. Зная об этом, Цицерон с радостью воспринял то, что по воле «sortitio provinciarum» (распределение жребием квесторских компетенций) ему было необходимо удалиться в провинцию для координации продовольственных поставок и покинуть Рим, где он уже несколько лет был успешен как оратор (**прим пер. В. П.**).

⁵ Квинт Туллий Цицерон (лат. *Quintus Tullius Cicero*) – древнеримский политик и младший брат Цицерона. В 61 г. был назначен наместником провинции Азия, где пробыл три года. Для Квинта это государственное поручение в провинции являлось завершением претуры и, как и в свое время для Цицерона, означало возможность продолжить карьеру на новом уровне (**прим пер. В. П.**).

⁶ Помпоний Аттик Тит (лат. *Titus Pomponius Atticus*) – близкий друг Цицерона, римский писатель, сестра которого была замужем за Квинтом Цицероном. Поручив своим рабам переписывать сочинения античных

второе предложение которого говорит о следующем: «*nunc quoniam et laudis auidissimi semper fuimus et praeter ceteros φιλέλληνες et sumus et habemur, et multorum odia atque inimicitias rei publicae causa susceperimus, παντοίης ἀρετῆς μιμήσκειο, curaque et effice ut ab omnibus et laudemur et amemur*» (**Att. i.15. 1**)⁷. Признание Цицероном себя проэллинистический римским лидером явно стоит принять во внимание. К увлечению греческими трудами он добавил восхищение греческим искусством¹ в такой степени, что это вызвало критику (**Att. i.8.2**), несомненно того же рода,

авторов (в т. ч. и Цицерона), Аттик нажил часть своего состояния благодаря книжной торговле. Разделяя идеи эпикурейцев, Аттик отказывался от всех должностей, предпочитая политике уединение в своем имении вдали от Рима. Его отказ Квинту Цицерону, склонявшему его ехать с ним в Азию в качестве легата, послужил началом ссоры, которая огорчила Цицерона и побудила написать Аттику письмо с извинениями за грубость и импульсивность брата. Опасаясь, что письмо может попасть в чужие руки, Цицерон выстроил его особым образом: общих знакомых он называл вымышленными именами и избегал говорить прямо о некоторых политических событиях (**прим пер. В. П.**).

⁷ «Теперь, так как мы всегда были очень жадны к славе и более чем кто-либо другой, являемся и считаемся филэллинами и ради государства навлекли на себя ненависть и вражду многих, то “*все ты искусство ратное вспомни*” и постарайся о том, чтобы все хвалили и любили нас» (**приведено по:** Цицерон. Титу Помпонию Аттику, в Эпир // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.-И.: АН СССР, 1949. Т. I. (годы 68–51) С.56).

которую он позже выскажет в адрес других¹¹. Руководство г. Лилибеем и ведение процесса Верреса сделало его признанным лидером каждого грека Сицилии. Он даже пренебрег протоколом (хотя это не стало прецедентом), обращаясь к сицилийскому сенату на их языке (**Verr.ii. 4.147**; в сравн. с **Val. Max. ii.2.2, Liv. xlv.29**). В 62-м он своей речью защищал поэта Архия и тем самым оказал несравнимую честь универсальному господству греческого языка⁸: «**Graeca leguntur in omnibus fere gentibus, Latina suis finibus, exiguis sane, continentur**» (**Arch.**

⁸ Авл Луциний Архий (греч. ρχίας, лат. Aulus Licinius Archias) – признанный в Риме греческий поэт и друг Цицерона, который при поддержке одного из почитателей его таланта приобрел права римского гражданства. В 61 г. некий Граций выступил против него в суде, оспаривая эти права. Цицерон защитил поэта речью «В защиту поэта Архия» (лат. Pro Archia poeta) и, вероятно, выиграл дело. Эта речь – одна из самых ярких и необычных речей Цицерона, в которой он провел мысль о том, что римское гражданство должно даваться иноземцам, в особенности грекам, которые не просто назвали Рим своей новой родиной, а обогатили его свой культурой и ораторским искусством. Взявшись защищать поэта, Цицерон не просто доказал несостоятельность обвинений и требований об изгнании Архия из Рима. На суде Цицерону удалось убедить сограждан в том, что быть поэтом так же почетно, как и быть политическим или военным деятелем. По сути, защитная речь была сведена Цицероном к тому, что воспитывать достойных граждан и прославлять свое государство можно разными способами, в т. ч. и через искусства, пользу которых в становлении и развитии человека нельзя недооценивать (**прим пер. В. П.**).

23)⁹. Но что именно Цицерон имел в виду под φιλέλλην¹⁰ – словом, которое он нигде больше не использует? Контекст требует того, что оно должно означать не «преданный греческой культуре», а «дружелюбно расположенный по отношению к грекам-современникам»¹¹. Но я сомневаюсь, возможно ли такое точное разграничение значений. Используемое таким человеком, как Цицерон, это слово, должно быть, несло в себе какую-то культурную коннотацию. То, кем называли Цицерона римские клеветники, согласно Плутарху, было Γραικός καὶ σχολαστικός (**Сic. 5.2**)¹²: φιλέλλην

⁹ «...на греческом языке читают почти во всех странах, а на латинском – в ограниченных, очень тесных пределах» (**приведено по:** Цицерон. Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия / пер. Ф. А. Петровского // Цицерон. Эстетика: трактаты, речи, письма. М.: Искусство, 1994. С. 158).

¹⁰ Буквально – «друг грека», «эллинофил». Это слово неоднократно употреблялось Цицероном по отношению к себе и своим близким. В частности, в одном из писем к Квинту Цицерон через слово «φιλέλλην» напоминает ему, что они оба получили греческое образование (**прим пер. В. П.**).

¹¹ «...говорю это не потому, чтобы я более чем кто-либо другой отказывал этому народу в доверии; ведь если кто-нибудь из ваших соотечественников, по своим стремлениям и склонностям, не чуждался этих людей, то это, полагаю, был именно я» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Луция Валерия Флакка // Вестник древней истории. 1986. № 4. С. 192–193).

¹² Гарольд Гуайт приводит фрагмент «Γραικός καὶ σχολαστικός» («грек», «ученый») из следующего суждения Плутарха о Цицероне: «Вернувшись в Рим, Цицерон первое время держал себя очень осторожно и не спешил домогаться должностей, а потому не пользовался ни-

должно было быть разновидностью улучшенной версии Graecus¹³, которую Цицерон сам никогда не использовал в отношении римлян кроме уничижительного смысла (**Fin. i.9**). Какое бы значение φιλέλλην имело или не имело, наша проблема заключается в оценке степени преданности Цицерона греческой культуре и греческим современникам.

Давайте возьмем сначала современников. Возвращаясь к 61-му, когда он написал письмо к Аттику, за весь период у нас мало доказательств. К концу его жизни он вспоминает своих наставников как главных героев своего времени (**Brut. 306-16**) (к кому еще мог бы пойти Цицерон?) и говорит вполне ясно, сколько они сделали для него. Он даже описывает некоторых из них, как *hospes* и *familiaris*¹⁴ (**Там же. 309,332; N.D. 6; Fin. i.6.**), но никогда нет никакого намека на интимность, которая возникла между Полибием и Сципионом (**Polyb. xxxi.23-25**), или, возможно, когда-либо была в кругу Цицерона¹⁵.

каким влиянием и часто слышал за спиной: “Грек!”, “Ученый!” – самые обычные и распространенные среди римской черни бранные слова» (**приведено по:** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 340) (**прим пер. В. П.**).

¹³ Гарольд Гуайт указывает на то, что достаточно однозвучное «Graecus» («грек») у Цицерона было заменено на «φιλέλλην» («друг грека», «эллинофил»), чтобы снизить эмоциональную нагрузку и придать смысл большую нейтральность (**прим пер. В. П.**).

¹⁴ Гостях и близких приятелях, друзьях дома (**пер. Я. В.**)

¹⁵ «Кружок Сципиона» представлял собой круг людей, приближенных к римскому

Больше уже не извлечь никакой информации, кроме нескольких писем, которые уцелели из этого периода, поэтому лучшее, что нам остается, так это основываться на доказательствах из речей. Систер М. А. Трауард¹⁶ предупреждала, что мы должны использовать речи с осторожностью, и сам Цицерон предупредил нас, что они не надежный ориентир по его убеждениям: «*sed errat vehementer, si quis in orationibus nostris quas in iudiciis habuimus auctoritates nostras consignatas se habere arbitratur. omnes enim illae causarum ac temporum sunt, non hominum ipsorum aut patronorum*» (**Clu. 139**)¹⁷. Но это

полководцу и государственному деятелю Сципиону Младшему (лат. Publius Cornelius Scipio Aemilianus Africanus Iunior Numantinus) и образовавших в Риме с 167 по 160 гг. неформальный центр по пропаганде греческой культуры. Римские участники кружка были теми самыми φιλέλληνι («друзьями греков»). Среди греческих участников кружка особо выделялся Полибий (древнегреч. Πολύβιος) – историк, государственный деятель, друг и наставник Сципиона. Несмотря на разницу в возрасте, Сципион и Полибий придерживались близких взглядов, в частности, на то, что деятельность кружка должна носить просветительский характер и наследие античных мыслителей должно стать предметом обучения. Их отношения сам Полибий в труде «Всеобщая история» охарактеризовал как «нежную дружбу» (**прим пер. В. П.**).

¹⁶ Гарольд Гуайт снова обращает внимание на работу «Позиция Цицерона по отношению к грекам» (Чикаго, 1942), оппозиционность к которой стала импульсом к написанию данной статьи (**прим пер. В. П.**).

¹⁷ «Но глубоко заблуждается тот, кто считает, что наши судебные речи являются точным выражением наших личных убеждений; ведь все эти речи – отражение обстоятельств данного судебного дела и ус-

признание, совершенное в речи, по определению ненадежно: это – его дело *ac temporis*¹⁸. Предыдущее высказывание Цицерона было приведено против него, и он вынужден прибегнуть к отчаянной попытке оспаривать его искренность. Он, должно быть, беспокоился об этом, так как позже (**Там же. 142**) меняет точку зрения и намекает, что нет ничего неправильного в том, чтобы искренне ошибаться. Что мы должны допускать в других опубликованных работах так же, как в речах, и даже иногда в письмах, так это то, что в ораторском пылу он жертвует точностью ради дела. И, будучи снова предупрежденными Цицероном, мы должны учесть аудиторию (**Fin. iv.74**). Но, как М. Пуаро указал, даже если человек говорит неправду, его тип мышления все же раскрыт тем видом лжи, которую он говорит.

Когда Цицерон вел дело Верреса в 70-м, он, естественно, стремился описать греческих жертв в самом лучшем свете¹⁹: метод, а не мотив раскрывает ловий времени, а не взглядов самих людей и притом защитников» (**приведено по:** Цицерон. Речь в защиту Авла Клуенция Габита // Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах / пер. В. О. Горенштейна, М.: АН СССР, 1962. Т. I С. 228.

¹⁸ И времени (**пер. Я. В.**)

¹⁹ Под словосочетанием «дело Верреса» Гарольд Гуайт понимает речи Цицерона, которые были составлены им в качестве обвинителя пропретора Гая Лициния Верреса (лат. Gaius Licinius Verres). Веррес занимал должность наместника Сицилии в 73-71 гг., сменив на этом посту Цицерона. Помня о гуманной политике времен, когда квестором Сицилии был неподкупный Цицерон, граждане провинции обратились к нему с просьбой выступить защитником их интересов в суде, ссылаясь на притеснения

его мышление. Метод свидетельствует о том, что эти сицилийские греки (за исключением, конечно, тех, кто свидетельствует с другой стороны), так не похожи на греков, как только возможно, т. е. почти так же хороши, как римляне, не деградировавшие современные римляне, а римляне старой школы: «*iam vero hominum ipsorum, iudices, ea patientia, virtus, frugalitasque est, ut proxime ad nostram disciplinam illam veterem, non ad hanc, quae nunc increbuit, videantur accedere. nihil ceterorum simile Graecorum, nulla desidia, nulla luxuries, contra summus labor in publicis priuatisque rebus, summa diligentia*» (Verr. ii.2.7)²⁰. Больше нет необходимости полагаться на то, кто есть кто у Цицерона на самом деле, поскольку здесь та же самая обособленность, которую путешественники находили в Англии шестнадцатого века: «Если они видят иностранца, добившегося успеха или очень красивого, то они говорят: “Жаль, что он не и вымогательства Верреса. Именно поэтому они и названы Гарольдом Гуайтом «греческими жертвами» (прим пер. В.П.).

²⁰ «Что же касается, судьи, самих жителей, то их трудолюбие, честность и бережливость таковы, что имеют много сходства с нашими прежними добрыми нравами, а не с теми, которые господствуют в настоящее время. У них нет ничего общего с другими греками – они люди не праздные, не склонные к роскоши, напротив, примерные труженики в делах как государственных, так и частных, весьма бережливые и весьма деятельные» (приведено по: Марк Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В. А. Алексеева, отчасти Ф. Ф. Зелинского) / пер. В. А. Алексеева, под ред. Ф. Ф. Зелинского. – СПб, изд. А.Я. Либерман, 1901. – Т. 1. // [Эл. ресурс] <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267351007>)

англичанин”»^{IV}.

Заявление Цицерона, что он был, прежде всего, φιλέλλην было сделано в 61-м; в 60-м он написал длинное письмо Квинту, рассказывая ему, как вести себя во время оставшегося правления подвластной ему территории Азии, которое против воли Квинта только что было продлено еще на год (Q.Fr. i.1; в сравн. с Plin. Ep. viii.24). Марк говорит, пусть он лучше подумает о своих благословениях в том, что римские граждане в Азии легко управляемы и провинциалы принадлежат в большей мере к самой цивилизованной расе на земле^V. Но немного дальше он предостерегает его от неосторожной близости с ними: «*atque etiam e Graecis ipsis diligenter cavendae sunt quaedam familiaritates praeter hominum perpaucorum si qui sunt vetere Graecia digni. sic vero fallaces sunt permulti et leves et diuiturna servitute ad nimiam adsentationem erudite*»²¹ (Q.Fr. i. 1. 16; в сравн. с i. 1. 18). Есть четыре вещи, на которые стоит здесь обратить внимание. Во-первых, Цицерон делит провинцию исключительно на римлян и греков, так, чтобы несчастному греку пришлось отве-

²¹ «Что же касается самих греков, то нужно тщательно остерегаться дружеских отношений с ними, за весьма малыми исключениями, если кто-нибудь окажется достойным древней Греции. Настолько очень многие из них лживы и легкомысленны, а вследствие продолжительного рабства приучены к чрезмерной угодливости» (приведено по: Цицерон. Квинту Туллию Цицерону, в провинцию Азию // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. I. (годы 68–51) С. 95).

чать за все грехи Среднего Востока^{VI}. Во-вторых, эталон для греков — это идеализированный грек классической древности. Но сколько римлян было достойны Древнего Рима? В-третьих, описание, вероятно, справедливо^{VII}, поскольку это описание соответствует некоторым особенностям почти любых подневольных людей. В-четвертых, Цицерон признает, что римское доминирование — это причина этих нежелательных особенностей, но, очевидно, уменьшает степень их вины. Что же было делать провинциалу? Если он подчинялся римлянам, они презирали его, если он противостоял им, они распинали его: должно быть, очень трудно установить идеальный баланс, который устроил бы Цицерона.

Через несколько абзацев он возвращается к более раннему вопросу о греческой цивилизации (**Q.Fr. i.1.27-28**): если римскому правителю приходилось продвигать интересы даже таких варварских наций, как галлы, испанцы и африканцы, то насколько же более цивилизованным способом ему приходилось иметь дело с людьми, которые не только сами были цивилизованными, но и с теми, кому римляне обязаны своей собственной цивилизацией? Он продолжает, говоря на языке, который показывает его осознание того, что он находится в меньшинстве («**non enim hoc iam dicere pudebit**»²²), говорить о своей при-

²² «При этом я не постыжусь сказать...» (приведено по: Цицерон. Квинту Туллию Цицерону, в провинцию Азию // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.-Л.: АН СССР,

знательности и необходимости, как это часто бывало, защитить себя от обвинения в поверхностности, упоминание о своем политическом успехе. Эта дань уважения читается так искренне, что мы поражены тем методом, который он использовал, только один год спустя (в 59-м), чтобы дискредитировать греческих свидетелей, которые были против его клиента Флакка²³. Этот метод должен был осудить этих греков просто потому, что они были греками, то есть прирожденными шутами (**Flac. Fr.2** в сравн. с **Hier. Ep. Io.3**) и потомственными лгунами^{VIII}. Это сглаживается, конечно, если понимать, что Древняя Греция, и особенно Афины (**Flac. 62**), были прославлены до небес, и даже современным грекам приписывают достоинства, которые не относятся к делу: «**verum tamen hoc dico de toto genere**

1949. Т. I. (годы 68–51) С.100).

²³ Луций Валерий Флакк (лат. Lucius Valerius Flaccus) — римский государственный деятель, участвовавший в раскрытии заговора Катилины. В 62 г. Флакк являлся претором провинции Азия. В 61 г. на этом посту его сменил Квинт Цицерон, а в 59 г. Флакк был привлечен к суду за вымогательства в провинции. Процесс против Флакка отчасти являлся процессом против Цицерона, который сыграл решающую роль в раскрытии заговора Катилины. Не полностью дошедшее до нас сочинение «Речь в защиту Луция Валерия Флакка» состоит из речи Цицерона перед допросом греческих свидетелей, кратких комментариев по ходу их выступлений и ответного слова. Защитная речь Цицерона, по сути, сводилась к дискредитации греческих свидетелей. Не стесняясь в выражениях, Цицерон называет их жалкими, ничтожными, вероломными, наглými, а их показания произволом и бессмыслицей (**прим пер. В. П.**).

Graecorum: tribuo illis litteras, do multarum artium disciplinam, non adimo sermonis leporem, ingeniorum acumen, dicendi copiam, denique etiam, si qua sibi alia sumunt, non repugno; testimoniorum religionem et fidem nunquam ista natio coluit, totiusque huiusce rei quae auctoritas, quod pondus, ignorant» (Flac. 9)²⁴. Опрометчивое великодушие «si qua sibi alia sumunt»²⁵ является простым доказательством неискренности Цицерона. В том же году Квинт Цицерон, тогда проконсул в Азии, жаловался в письме, что Марк дружелюбно рекомендовал ему грека по имени Зевксис, который при дальнейшем знакомстве оказался матереубийцей. Чтобы Квинту стало легче, на это письмо Марк вежливо ответил, что он сам примирился различными способами с целым рядом неприятных личностей, которые были греками, не из какой-либо привязанности к ним или к их расе: «quae feci omnia, non quo me aut hi homines aut tota natio delectaret: pertaesum est levitatis, adsentationis, animorum non officiis sed temporibus servientium» (Q.Fr. i.2.4)²⁶. Будучи

глубоко убежденным в своей честности, Цицерон не мог видеть, что в своих трудах он признался в той же беспринципности, которую находил такой отвратительной в греках. Шестью годами ранее, во время избирательной кампании за консульство он был готов заключить сделку с Катилиной (Att. i.2.I), и если его кампания проводилась по Commentariolum Petitionis^{IX}, то Цицерону нечему было учиться у также подстроившихся под время греков²⁷.

В 57-м, через два года после успешной защиты Флакка, Цицерон отпраздновал возвращение из изгнания несдержанными нападками на некоторых из своих врагов. Против одного из них, Луция Пизона²⁸, он возбудил расовые предрассудки, заклеив его «трансальпийскую кровь» (Red. in Sen. 15) и называв его Caesoninus Calventius (Там же. 13), именем его

вость, служение не долгу, но обстоятельству» (приведено по: Цицерон. Титу Помпонию Аттику, в Афины // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттике, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. I. (годы 68–51) С. 141).

²⁷ Гарольд Гуайт указал на сочинение «Краткое наставление по соисканию» («Commentariolum Petitionis»), которое было опубликовано под авторством младшего брата Цицерона и сыграло важную роль в его избирательной кампании (прим пер. В. П.).

²⁸ Луций Кальпурний Пизон (ок. 7 г. до н.э. – ок. 75 г. н.э.) – консул Римской республики 57 г. до н.э., политический и судебный оратор. Показательно, что во время процесса против Верреса в 70 г. до н.э. Цицерон апеллировал к Пизону и характеризовал его как образец честного человека (прим пер. В. П.).

²⁴ «Прежде всего, я скажу (и это относится к ним всем), что это – греки; говорю это не потому, чтобы я более чем кто-либо другой отказывал этому народу в доверии; ведь если кто-нибудь из ваших соотечественников, по своим стремлениям и склонностям, не чуждался этих людей, то это, полагаю, был именно я» (приведено по: Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Луция Валерия Флакка // Вестник древней истории. 1986. № 4. С. 192–193).

²⁵ «я более чем кто-либо другой» (приведено по: Там же. С. 192).

²⁶ «Все это я сделал не потому, чтобы меня восхищали эти люди или вся нация; мне крайне противно их легкомыслие, угодли-

гальского деда по материнской линии. Кроме того, он описал Пизона как вульгарного, жестокого и расточительного человека, указав также на то, что он был эпикурейцем. Это дало ему возможность для достаточно неуместной ссылки на Graeculi (**Там же. 14**)²⁹. Двумя годами позже атака на Пизона была детально развернута, и опять греческие друзья Пизона получили дурную славу (**Pis. 22, 67**). Но один из них, как Цицерон сказал в Сенате, был, до того как Пизон подкупил его, изначально (по сути своей) порядочным, поэтому они должны были судить его снисходительно, «non ut improbum, non ut audacem, non ut impurum, sed ut Graeculum, ut adstantorem, ut poetam» (**Pis. 70**)³⁰. Это, должно быть, одно из самых поразительных словосочетаний Цицерона.

Диалог «Об ораторе», опубликованный в том же году (55), раскрывает его отношение к греческой культуре; но Цицерон также критикует современных греков и продолжает использовать термин Graeculus по отношению к греческим философам и римским интеллектуалам^{XI}. Во вступлении к Книге II Красса, которого

²⁹ С легкой руки Цицерона, неоднократно демонстрировавшего пренебрежительное отношение к грекам, это слово вошло в оборот в значении унижительного прозвища для них. Дословно «Graeculi» означало «маленькие греки», «гречонки». Это слово использовалось Цицероном как дополнение к нейтральному «φιλέλλην» (philellen) и, в логике римской государственной идеологии, позволяло сделать смешными всех греков (**прим пер. В. П.**).

³⁰ Не как дурного, не как дерзкого, не как безнравственного, а как гречонка, как льстеца, как поэта (**пер. Я. В.**)

обычно воспринимают как представляющего взгляды самого Цицерона, рано утром посетили Катул и Гай Юлий Цезарь Страбон³¹, которые принесли свои извинения за impi³². Красс сразу пускается в определение ineptus³³ и ссылается на греков как на совершенный образец: «hoc vitio cumulata est eruditissima illa Graecorum natio»³⁴. Затем Красс воображает, что

³¹ В первой книге Цицерон представляет образ идеального оратора, который обсуждается и оспаривается его героями, чтобы во второй книге представить этот образ более конкретизированным и так или иначе близким всем участникам обсуждения. Героями второй книги диалога «Об ораторе» являются: Луций Лициний Красс – один из лучших ораторов своего времени в области сенатского красноречия, Квинт Луцилий Катул – полководец, консул 102 г., эллинофил, Гай Юлий Цезарь Страбон – политический деятель, оратор и поэт (**прим пер. В. П.**).

³² «Неуместность». Понятие «уместность» (πρέπον, decorum) (как и его антоним) у Цицерона имеют особые смысловые оттенки и коннотации. Уместность рассматривалась Цицероном как один из принципов построения речи, который как нельзя лучше иллюстрировал его понимание риторики, связанное с эмоциональными откликами аудитории на выступление оратора. Во второй книге «Об ораторе» Цицерон вкладывает в уста Красса следующее суждение: «неуместность» – это порок греков, которые склоны затевать споры по сложным или простым вопросам, не имея для этого порока никакого определения. Гарольд Гуайт не случайно подчеркивает, что Красс говорит от лица самого Цицерона, поскольку это суждение на излюбленную Цицероном тему – тему превосходства латинского языка над греческим языком (**прим пер. В. П.**).

³³ «Неуместности» (**пер. Я. В.**).

³⁴ «Этим пороком особенно страдает самый просвещенный народ – греки» (**при-**

он может донести смысл, утверждая, что греки настолько слепы к этому национальному пороку, что у них даже нет слова для этого (**De Or. ii.13-20**)! Это и нелогично, и бессмысленно: подкрепление того, что ни одно греческое слово не имеет ту же силу и значение, что и латинское *inertus*, является всего лишь чисто лингвистическим наблюдением. Как бы это не помогало раскрыть греческий или римский характер, оно едва ли может способствовать, чтобы применить *inertia*³⁵ к любому из них^{XII}. Книга II содержит также знаменитый анекдот Формиона³⁶, невоенного ратора, который наставлял Ганнибала стратегии (**De Or. ii.75-76**). Формион вводится Катулom как тип современного греческого учителя, чья несостоятельность в судебной практике делает его преподавание полностью бесполезным. Ни

ведено по: Цицерон. Об ораторе / пер. Ф. А. Петровского // Цицерон. Эстетика: трактаты, речи, письма. М.: Искусство, 1994. С. 229.

³⁵ «Неуместность» (пер. Я. В.)

³⁶ Цицерон предлагает читателю своеобразную версию анекдота о Ганнибале и некоем философе Формионе, взявшемся рассуждать о военном деле. Кульминация анекдота важна для Цицерона тем, что Ганнибал, не очень изящно изъяснявшийся на греческом языке, все же высказался и отнес выступление философа к разряду «нахальной болтовни» грека, который никогда не видел «ни врага, ни лагеря». Резюмируя все это, Цицерон через суждения Катула об этом анекдоте представляет читателю свою педагогическую позицию: все греческие преподаватели красноречия учат тому, чего не знают, и извинить их может только то, что их учениками в большинстве случаев являются дети и подростки, а не Ганнибалы (прим пер. В. П.).

Катул, ни кто-либо другой не ссылаются на практикующих учителей, например, таких, как Молон (**Brut. 316**)³⁷ — современник диалога.

В следующем году (54) Цицерон защитил Гая Рабирия Постума³⁸, и некоторые из свидетелей обвинения были из Александрии. Чтобы дискредитировать их, было достаточно заметить, что они прибыли из города, жители которого предоставили материал для авторов Новой Комедии³⁹; и,

³⁷ Аполлоний (лат. *Molo Apollonios*) — родосский ритор и учитель Цицерона, взявший себе имя Молон (от греч. «Μολών», что означает «Приди!»). В «Об ораторе» Цицерон умышленно не упоминает Молона, поскольку ссылка на столь успешного наставника и ратора, получившего право говорить на греческом языке в римском Сенате, разрушила бы всю логику диалога и ослабила позицию автора как поборника всего римского. В «Бруте», где Цицерон утверждает греческую культуру и образование, он, напротив, усиливает свою аргументацию упоминаниями о Молоне как прекрасном ораторе и наставнике красноречия (прим пер. В. П.).

³⁸ Гай Рабирий Постум (лат. *Gaius Rabirius Postumus*) — бывший первый казначей египетского царя Птолемея Авлета, бежавший в Рим, где был обвинен в денежных спекуляциях. Содержание этого дела отражено в речи Цицерона «В защиту Гая Рабирия Постума» («*Pro Rabirio Postumo*»), однако сведений о его исходе не сохранилось (прим пер. В. П.).

³⁹ Жанр новой аттической комедии (или «комедии нравов») возник в конце IV в. до н. э., когда комедиографы кардинально изменили содержание представляемых зрителю сюжетов. Театр стал отдавать предпочтение миру повседневности: место злободневных политических вопросов заняла беззлобная ирония над частной жизнью горожан. Цицерон, по всей видимости, иронизирует над свидетелями в аспекте неиссякаемости мелких проблем жизни их города и горожан, которые пародировались

конечно, они были греки: «iam postis inlesitatem Graecorum»⁴⁰ (**Rab. Post. 35-36**). Два года спустя, защищая Милона⁴¹, Цицерон был счастлив, что Эсхил⁴² на его стороне (**Mil. 8**) и показал даже современных греков как пример для римлян в деле чество-

и забавляли театральную публику того времени (**прим пер. В. П.**).

⁴⁰ «Вы же знакомы с беспощадностью греков» (**пер. Я. В.**).

⁴¹ Тит Анний Милон (лат. Titus Annius Milo) – древнеримский политик и народный трибун (57 г. до н.э.) и претор (54 г. до н.э.), который в свое время внес предложение о возвращении Цицерона из изгнания. Дело против Милона было инициировано одним из его политических противников после того, как Милон и его рабы убили Клодия, случайно попавшегося им со своей свитой по дороге в Рим. К последнему у Милона были политические, а у Цицерона личные претензии, поскольку именно Клодий после изгнания Цицерона приказал разграбить и разрушить его имение, чтобы построить на этом месте свое. Цицерон проиграл дело и после его крайне неудачного выступления с речью «В защиту Тита Анния Милона» («Pro T. Annio Milone») Милон был отправлен в изгнание (**прим пер. В. П.**).

⁴² В речи «В защиту Тита Анния Милона» Цицерон представляет Милона убийцей тирана – т. е. одним из тех, кому греки воздавали великие почести и чью память увековечивали. Тем самым Цицерон намекает на трагедию древнегреческого драматурга Эсхила (греч. Aeschylus), в которой представлено педагогическое столкновение героического Прометея с жестоким тираном Зевсом, узурпировавшим право распространять знание. Это нетипичное изображение Прометея и Зевса, совершенно иначе представленных у иных древнегреческих авторов, и использует Цицерон, строя линию защиты Милона на глубоком знании древнегреческой культуры (**прим пер. В. П.**).

вания тираноубийц (**Там же. 80**); но он все равно чувствовал, что упоминание о Graeculi (**Там же. 55**)⁴³ в свите Клодия стоило того.

В переписке Цицерона 51-го года сохранилось интересное письмо к Меммию, покровителю Лукреция⁴⁴, ходатайствующее от имени Патрона⁴⁵

⁴³ В своей защитной речи Цицерон рисует Милона как жертву, а не палача, используя в качестве аргумента нетипичную экипировку убитого и отсутствие в его свите греков, о которых вновь сказано с пренебрежением: «Раньше Клодий всегда ездил с женой, на этот раз – без нее; всегда – только в повозке, на этот раз – верхом; спутниками его, куда бы он ни направлялся, было несколько жалких греков ... на этот раз в его свите ни одного бездельника» (**приведено по:** Цицерон. Речь в защиту Тита Анния Милона // Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах / пер. В. О. Горенштейна, М.: АН СССР, 1962. Т. II. С. 237) (**прим пер. В. П.**).

⁴⁴ Гай Меммий (лат. Memmius) – римский народный трибун, которому поэт и философ Тит Лукреций Кар (лат. Titus Lucretius Carus) посвятил поэму «О природе вещей» (**прим пер. В. П.**).

⁴⁵ Патрон являлся схолархом (главой школы) Сада Эпикура и находился в приятельских, но не достаточно близких отношениях с Атикком и Цицероном. Поводом к написанию письма послужило то, что власти Афин выделили Меммию участок под строительство, на котором находились руины школы Эпикура. Патрон написал письмо Цицерону с просьбой пососедствовать в сохранении этого участка. Цицерон, в свою очередь, написал письмо Меммию. Содержание письма было особым, поскольку Цицерон считал взгляды эпикурейцев неприемлемыми для римлянина, претендующего на статус образованного человека, и не был лично заинтересован в сохранении руин школы Эпикура. В письме Цицерон в очередной раз выразил пренебрежение к учению Эпикура, но все же попросил со-

— грека и эпикурейского лидера (**Fam. xiii.1**). В то время Меммий в изгнании в Афинах присвоил себе руины дома Эпикура, которые он предложил использовать в качестве строительной площадки. Патрон, который как-то обидел Меммия, попросил у Цицерона немного времени, прежде чем использовать свои связи, чтобы сохранить этот дом за эпикурейским сообществом, но Цицерон подумал, что неразумно вмешиваться в строительные планы Меммия. И вот теперь Меммий решает не строить. Цицерон призвал его отказаться от дома, не потому, что Патрон или его планы имели такое уж значение, а потому, что он переживал о самом этом несчастном человеке; в конце концов, он был другом Цицерона и Аттика; и Меммий вполне мог преувеличить это дело ради своих собственных друзей. Даже если предположить, что это письмо было *causae ac temporis*⁴⁶, то есть продумано в первую очередь с целью достижения результата, мы вряд ли можем предполагать, что Цицерон написал так, если бы Патрон действительно был близким другом. Он достаточно уважал Патрона, чтобы пойти на то, чтобы написать для него письмо, но мы не можем полностью верить ему, когда он пишет: «*cum Patrone Epicurio mihi omnia sunt, nisi quod in philosophia uehementer ab eo dissentio*» (**Fam. xiii.2**)⁴⁷. Не существует другого доказательства участка, на что получил от Меммия согласие (**прим пер. В. П.**).

⁴⁶ «По причине и времени» (**пер. Я. В.**)

⁴⁷ «С эпикурейцем Патроном у меня самые лучшие отношения, если не считать полного разногласия в философии» (**приведено по:** Цицерон. Гаю Меммию Гемеллу, в Ми-

тельства того, что Цицерон и Патрон были более чем просто знакомые.

В конце 50-го Цицерон вернулся домой из подведомственной ему Сицилии. По пути он написал многочисленные нежные письма своему секретарю Тирону, который был слишком болен, чтобы путешествовать. Кем был Тирон по национальности, мы не знаем. Мы можем только надеяться, что он не был греком. Если бы он им был, нам бы пришлось приуменьшить степень привязанности Цицерона. Поскольку в совете о перемещении врача, он написал следующее: «*Lyso enim noster ueeor ne neglegentior sit; primum quia omnes Graeci, deinde quod, cum a me litteras accepisset, mihi nullas remisit*» (**Fam. xvi.4.2**)⁴⁸. Но, вполне возможно, Тирон был греком, и Цицерон испытывал к нему такие нежные чувства, что считал его римлянином. Несколько месяцев спустя Цезарь перешел Рубикон, и Цицерону было поручено защищать г. Капуя. Вольноотпущенник Дионисий⁴⁹, на-
 тилену // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.-Л.: АН СССР, 1950. Т. II. (годы 51–46). С. 371

⁴⁸ «Ведь я опасуюсь, как бы наш Лисон не оказался несколько небрежным, во-первых, потому что все греки таковы; во-вторых, потому что он, получив от меня письмо, не ответил мне» (**приведено по:** Цицерон. Марку Туллию Тирону, в Патры // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.-Л.: АН СССР, 1950. Т. II. (годы 51–46). С. 157).

⁴⁹ Дионисий был рабом Цицерона, которого ему подарил Атик. Он присматривал за библиотекой Цицерона, а впоследствии бежал в мятежную провинцию Иллирию,

ставник молодого Цицерона, разочаровал своего покровителя нежеланием оставаться с семьей в период кризиса. В письме к Аттику Цицерон жалуется другу на такое поведение, но добавляет: «haec non nimis exquiro a Graecis» (**Att. vii.18.3**)⁵⁰.

В своей юношеской работе «О содержании» («De Inventione») ⁵¹ Цицерон, переводя свои греческие лекции, классифицировал в своих пометках людей по расовому признаку либо как греков, либо как варваров. Странное противопоставление в устах римлянина (**Inv. i. 35**; в сравн. с **Plautus, Asin. II**)^{XIII}. Сорок лет спустя, защищая Лигария⁵² перед Цезарем, он был в состоянии придать этому контрасту новый патриотический от-
рассчитывая на то, что там будет легче скрыться от хозяина, чем в Риме (**прим пер. В. П.**).

⁵⁰ «но не слишком жду этого от греков» (**приведено по:** Цицерон. Титу Помпонию Аттику, в Рим // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.-Л.: АН СССР, 1950. Т. II. (годы 51–46). С. 203).

⁵¹ Речь идет о сочинении юного Цицерона «Риторические сочинения» в двух книгах. Сохранилась только одна часть «De Inventione» («О содержании», 81 г), которая написана с опорой на греческие пособия по риторике (**прим пер. В. П.**).

⁵² Квинт Лигарий (лат. Quintus Ligarius) – римский всадник, управляющий провинцией в Азии, государственный изменник. В результате заочного суда, на котором с защитной речью выступил Цицерон, Лигарий был оправдан на Форуме перед Цезарем, вернулся в Рим и через два года принял участие в убийстве Цезаря. Речь Цицерона выстроена как обращение преступника, признавшего свою вину, к выдвинувшему обвинение Цезарю (**прим пер. В. П.**).

тенок: «hoc egit ciuis Romanus ante te nemo. externi isti sunt mores. usque ad sanguinem incitari solet odium aut leuium Graecorum aut immanium barbarorum» (**Lig. ii**)⁵³. В том же году (46) он рекомендовал Демокрита следующим образом: «Democritus Sicyonius non solum hospes meus est, sed etiam, quod non multis contigit, Graecis praesertim, ualde familiaris» (**Fam. xiii.78.I**)⁵⁴. Graecis praesertim⁵⁵ (т. е. греки, как таковые, имеют самый низкий приоритет в моих привязанностях) несет прямо противоположный смысл для Graecis ipsis⁵⁶ в письме Квинту, которое уже было ранее упомянуто. Можно поспорить, что Graecis praesertim просто демонстрирует работу адвоката. Но это вряд ли можно сказать для твердого определения Цицероном греческого легкомыслия.

Учитывая все доказательства, мы не можем поверить, что Цицерон был

⁵³ «До тебя ни один римский гражданин не поступал так; это чуждые нам нравы вероломных греков или жестоких варваров, которых ненависть обычно побуждает проливать кровь» (**приведено по:** Цицерон. Речь в защиту Квинта Лигария // Речи в двух томах / пер. В. О. Горенштейна, М.: АН СССР, 1962. Т. II. // [Эл. ресурс] <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267350024>).

⁵⁴ «Демокрита из Сикиона соединяют со мной узы не только гостеприимства, но и самой тесной дружбы, что удается немногим, особенно грекам» (**приведено по:** Цицерон. Авлу Аллиену, в провинцию Сицилию // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М.-Л.: АН СССР, 1951. Т. III. (годы 46–43) С. 63–64).

⁵⁵ «Особенно греки» (**пер. Я. В.**).

⁵⁶ «Самих греков» (**пер. Я. В.**).

φιλέλλην⁵⁷ в каком-либо личном и современном смысле. Давайте теперь более полно рассмотрим его отношение к греческой культуре. Мы уже видели, что его учителями были греки и при их жизни и после их смерти. Это не такая уж редкость для способного ученика, который не получал удовольствие от того, что продемонстрировал для собственного удовлетворения ошибки своих учителей. Когда учителя относятся к подчиненной расе, это удовольствие становится патриотическим долгом. Таким образом, молодой Цицерон, переводя «Явления» («Phainomena») ⁵⁸, превращает 442 строчку в пример неадекватности греческой номенклатуры:

quadupes qua uasta tenetur,

quam nemo certo donauit nomine Graium⁵⁹

В 544 строке он отвергает греческое имя, неуклюже заменяя его латинским, а затем берет еще одну строчку, чтобы оправдать замену:

Zodiacum hunc Graeci uocitant,
nostrique Latini

orbem signiferum perhibebunt nomine uero:

nam gerit hic uoluens bis sex ardentia signa⁶⁰ (**Ph. 211 f., 317-19**)

⁵⁷ «Друг грека», «эллинофил» (**прим пер. В. П.**).

⁵⁸ Учебное стихотворение греческого писателя Арата о звездном небе, которое было переведено на латинский язык Цицероном (**прим пер. В. П.**).

⁵⁹ «Четвероногое тащит огромное, / Которому никто из греков не даровал точного имени» (**пер. Я. В.**).

⁶⁰ «Греки называют его Зодиаком, а латиняне наши / Предлагают имя истинное звездному кругу: / Ведь он несет, вращаясь, двенадцать сверкающих созвездий» (**пер. Я. В.**).

Это очень хорошо для мальчика, но в поэме «О моем консульстве» («De Consulatu») ⁶¹ четверть века спустя он продолжает это делать. На этот раз он прерывает рассказ Музы Урании, чтобы заклеить ложной греческую теорию:

et, si stellarum motus cursusque uagantis

nosse uelis, quae sint signorum in sede locatae,

quae uerbo et falsis Graiorum uocibus errant,

re uera certo lapsu spatiumque feruntur,

omnia iam cernes diuina mente notate (**Div. i. 17**)⁶²

За промежуточный период времени очень мало доказательств, кроме того, что уже приведено, но было бы удивительно, если бы ход его мысли, раскрытый в этих двух поэмах, изменился. За три года до «Consulatu» он появился для Мурены против Катона и других⁶³. Противостоя Катону в

⁶¹ Поэма, написанная Цицероном в 61 г., где он пишет о себе как о спасителе государства, не побоявшемся опасностей и раскрывшем заговор Катилины (**прим пер. В. П.**).

⁶² Как и планет, на созвездий кругу размещенных / (Греки когда-то неверно блуждающими их назвали, / Ибо в действительности те планеты ведь плавно несутся / По определенным путям), ты, конечно, тотчас же постигнешь: / Все, что ни есть, предназначением сделал божественный разум. (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты / пер. М. И. Рижского. М.: Наука, 1985. С. 198).

⁶³ Луций Лициний Мурена (лат. Lucius Licinius Murena) – древнеримский полководец, в 63 г. был избран в консулы и обвинен политическими противниками в подкупе избирателей. Одним из обвините-

его стоицизме, школам Аристотеля и Платона, он был вынужден добавлять пояснения в скобках «fatebor enim, Cato, me quoque in adulescentia diffisum ingenio meo quaesisse adiumenta doctrinae» (**Mur. 63**)⁶⁴. Мы знаем, что Цицерон часто чувствовал, что должен извиняться за свое обучение (например, **Verr. ii.4.4**); также мы знаем, что он не был по своей природе скромным. Мы можем даже принять объяснение предлагаемые восемнадцать лет спустя, когда, противостоя Катону еще раз на ту же тему, он отрекся от его раннего легкомыслия: «*arud imperitostum illa dicta sunt, aliquid etiam coronae datum*»⁶⁵ (**Fin. iv. 74**).

Но мы все равно должны подвергать сомнению, было ли так необходимо для него откеститься от своего

лей был Марк Порций Катон (лат. Marcus Porcius Cato). Мурену защищали сразу несколько влиятельных римлян: оратор и адвокат Квинт Гортенсий, политический и военный деятель Марк Красс, а также Цицерон, выступавший с защитной речью последним. Суд оправдал Мурену, а подробности дела против него дошли до нас в тексте речи Цицерона «В защиту Луция Лициния Мурены» (лат. Pro Murena) (**прим пер. В. П.**).

⁶⁴ «я признаюсь, Катон, и я в молодости своей, не полагаясь на свой ум, искал помощи в изучении философии» (**приведено по:** Цицерон. Речь в защиту Луция Лициния Мурены // Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том I (81–63 гг. до н. э.) / пер. В. О. Горенштейна. Москва: АН СССР, 1962. С. 353).

⁶⁵ «Тогда это говорилось перед людьми невежественными, кое-что говорилось в угоду публике» (**приведено по:** Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. с лат. Н. А. Федорова; вступ. ст. Н. П. Гринцера; коммент. Б. М. Никольского. М.: РГГУ, 2000. С. 194).

образования. Защищая Архия через год после речи «В защиту Мурены» («Pro Murena»), он был слишком готов признать его долг перед греческой культурой. Трудно поверить, что Цицерон был обязан Архию настолько, насколько первые пункты речи предполагают; мы считаем, что он имел политические мотивы^{XIV} для принятия дела, и мы знаем, что он надеялся, что Архий напишет поэму о его консульстве (**Att. i.16.15**). Но ни судебная необходимость, ни необходимости льстить Архию не требовали от него такого публичного признания его приверженности греческим трудам: «*ego vero fateor me his studiis esse deditum*» (**Arch. 12**)⁶⁶.

Так же, как в речи «В защиту Луция Валерия Флакка» («Pro Flacco»), он подчеркнул греческую ущербность через признание положительных качеств. В речи «Об ответах гаруспиков» («De Haruspicum Responsis»), произнесенной в 56-м, он подчеркивает, что римское превосходство в области религии при том, что он отдавал должное другим нациям за другие сферы: заселение в Испании, силу в Галлии, хитрость в Карфагене, искусства у греков и «*hic ipse huius gentis ac terrae domesticus nativusque sensus*» в Италии (**Har. Resp. 19**)⁶⁷. Это последнее интерес-

⁶⁶ «Я, во всяком случае, сознаюсь в своей преданности этим занятиям». (**приведено по:** Цицерон. Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия / пер. Ф. А. Петровского // Цицерон. Эстетика: трактаты, речи, письма. М.: Искусство, 1994. С. 154).

⁶⁷ «внутренним и врожденным чувством любви к родине, свойственным нашему племени и стране» (**приведено по:** Цице-

но само по себе, хотя и не для этого обсуждения; другие уступки являются просто риторикой.

Речь «К оратору» («De Oratore»), опубликованную в 55-м, Цицерон начинает с признания в недостатке хороших римских ораторов и отмечает, что даже греки дали меньше хороших ораторов, чем хороших поэтов. Этого достаточно, чтобы подготовить нас к различным типам унижений, которые последуют: «atque ut omittam Graeciam, quae semper eloquentiae princeps esse voluit, atque illas omnium doctrinarum inventrices Athenas, in quibus summa dicendi vis et inventa est et perfecta, in hac ipsa civitate profecto nulla unquam vehementius quam eloquentiae studia viguerunt» (**De Or. i. 13**)⁶⁸. Здесь похвала кажется неважной, будучи спрятанной в скобках. По мере развития аргументации появляются многочисленные ссылки на греков как умерших, так и живых. Ссылки на живых следуют определенному образцу, который прослеживается, а ссылки к мертвым, как правило, нейтральные или лестные. Затем Красс критикует греческих философов, в том числе Платона, который хотел ограничить риторику рон. Речь об ответах гаруспиков // Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах / пер. В. О. Горенштейна, М.: АН СССР, 1962. Т. II (62–43 гг. до н. э.) С.188).

⁶⁸ «Я уж не буду говорить о Греции, которая всегда стремилась быть первой в красноречии, и о пресловутом отечестве всех наук, Афинах, где ораторское искусство было и открыто, и доведено до совершенства» (**приведено по:** Цицерон. Об ораторе / пер. Ф. А. Петровского // Цицерон. Эстетика: трактаты, речи, письма. М.: Искусство, 1994. С. 165).

категорией судебных и политических выступлений и делает следующее замечание о Горгии: «**quo in libro in hoc maxime admirabar Platonem, quod mihi in oratoribus inridendis ipse esse orator summus videbatur. verbi enim contraversia iam diu torquet Graeculos homines contentionis cupidiores quam veritatis**» (**Там же. i.47**)⁶⁹.

Возможна только одна интерпретация: термин Graecul и обвинение в склонности применимы не только к деградации современников, но и к тем, кто только что был описан, как «clari in philosophia et nobiles» (**Там же. i. 46**)⁷⁰, главный среди которых — Платон. Ближе к окончанию Первой книги утверждение Красса о превосходстве римского закона над всем другими, которое во всех остальных смыслах скромное, подрывается абсурдным утверждением о том, что предел римского превосходства является самым великим только в сравнении с Грецией: «**hominum nostrorum prudentiam ceteris omnibus et maxime Graecis antepono**» (**Там же. i. 197**)⁷¹. Этому предшествует утверждение, что «Двенадцать таблиц» стоят больше, чем все философы вместе взя-

⁶⁹ «и в этой книге Платон поражал меня особенно тем, что в своих насмешках над ораторами он казался мне сам величайшим оратором. Дело в том, что спор о словах издавна не дает покоя бедным грекам, жадным более до препирательств, чем до истины» (приведено по: Там же. С. 172).

⁷⁰ Те, кто пользовался «славой и уважением в деле философии» (**приведено по:** Там же. С. 172).

⁷¹ «противопоставляя мудрых наших соотечественников всем прочим людям, и особенно грекам» (**приведено по:** Там же. С. 206).

тые: «fremant omnes licet, dicam quod sentio: bibliothecas mehercule omnium philosophorum unus mihi uidetur XII tabularum libellus, si quis legum fontis et capita uiderit, et auctoritatis pondere et utilitatis ubertate superare» (**Там же. i.195**)⁷². По меньшей мере, это утверждение слабое. Зайди насколько далеко, Цицерон почти обязан заметить, что юрисконсульт пользуется более высоким статусом в Риме, чем в Греции^{XV}, что и есть еще одно доказательство римского превосходства.

Роль Антония во всех диалогах заключается в обесценивании риторической ценности греческого обучения, которому он постоянно отдает должное и признает себя должником. Во второй книге он более подробно рассматривает такую позицию и резко заявляет, что в то время было бы неразумно («recudis esse, non hominis»⁷³) игнорировать греческие труды, и человек, который желает сохранить какой-то авторитет среди своих сограждан, должен изучить их в тайне (**De Or. ii.153, 156.**). Катул явно выступает от лица Цицерона, когда в ответ противопоставляет эту тайну и робкий эллинизм с открытым

⁷² «Да, пусть все возмущаются, но я выскажу свое мнение: для всякого, кто ищет основ и источников права, одна книжица XII таблиц весом своего авторитета и обилием пользы воистину превосходит все библиотеки всех философов» (**приведено по:** Там же. С. 206).

⁷³ «я счел бы себя бессловесным скотом, а не человеком» (**приведено по:** Цицерон. Об ораторе // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. Москва.: Наука, 1972 // [Эл. ресурс] <http://ancientrome.ru/antlitrl/t.htm?a=1423777002#150>)

многообразием Сципиона, Лелия и Фуриуса (**Там же. ii.154f**)^{XVI}. В третьей книге (**De Or. iii.55-68**) Красс утверждает, что для древних греков, например, Ликурга, Паттакоса и Солона (которого он сравнивает с Корункием, Фабрициусом, Катонем и Сципионом) философия и риторика были одним и тем же, под названием философия (*sapientia*⁷⁴). Потом следует версия греческой истории, в которой показано, как от разрыва между мыслью и действием возникли философы, которые отмежевались от риторики; и, отталкиваясь от этого, он продолжает обсуждать различные философские школы с точки зрения ратора. Затем яркой метафорой он вдруг возвращается к теме разрыва: «haec autem, ut ex Apennino fluminum, sic ex communi sapientiae iugo sunt doctrinarum facta diuortia, ut philosophi tamquam in superum mare [Ionium] defluerent Graecum quoddam et portuosum, oratores autem in inferum hoc Tuscum et barbarum scopulosum atque infestum laberentur, in quo etiam ipse Vlixes errasset» (**Там же. iii.69**)⁷⁵. Этот отрывок содержит ряд непонятных моментов, но для целей настоящего очерка две вещи вполне понятны. «Варвар» и сопутствующие

⁷⁴ «мудрость» (**пер. Я. В.**).

⁷⁵ «И вот, подобно тому, как реки с Апеннин растекаются в разные стороны, так с общего хребта мудрости растеклись в разные стороны науки; и если философы, так сказать, стекались в верхнее Ионийское море, море греческое, богатое гаванями, то ораторы спускались в наше нижнее Тирренское, варварское, скалистое и негостеприимное, в котором и сам Улисс заблудился» (**приведено по:** Там же. С. 331).

прилагательные наделены ложной скромностью; и присутствует преднамеренное шельмование, благодаря которому греческая философия и римское ораторство представлены как независимые, параллельные, сопоставимые и исходящие из одного источника — общего для Греции и Рима.

Далее в третьей книге, где все еще спорят о единстве философии и риторики, Красс называет в качестве свидетелей семь мудрецов: «sed ut ad Graecos referam orationem, quibus carere hoc quidem in sermonis genere non possumus — nam ut virtutis a nostris, sic doctrinae sunt ab illis exempla petenda — septem fuisse dicuntur sapientes uno tempore, qui sapientes et haberentur et vocarentur» (Там же. **iii.137**)⁷⁶. Они — отличные свидетели, но Красс представляет их с сожалением и с попыткой оправдания, что абсолютно не имеет отношения к делу. Доминирующее мнение, что «греки могут иметь мозги, но мы, римляне, имеем характер», утверждает само себя, несмотря на конфликт с контекстом.

В работе «О лучшем ораторе» («De Optimo Genere Oratorum»), опубликованной в 52-м в качестве предисловия к его переводу «О венке» («De Corona») и «Против Ктесифонта» («In Ctesiphonta»)⁷⁷,

⁷⁶ «Обратимся теперь к грекам, без которых в нашем рассуждении нам обойтись никак нельзя, потому что как добродетелям надо учиться у нас, так науке — у них. Говорят, что у них было одновременно семь человек, слывших и именовавшихся мудрецами» (приведено по: Там же. С. 347).

⁷⁷ Цицероном был осуществлен перевод речей двух греческих ораторов — речи Эсхина «Против Ктесифонта» и ответной речи

Цицерон очень профессионален. Он обеспокоен противостоянием аттического и азиатского стилей, и его восхваление аттических ораторов поэтому свободно от римской приверженности. Диалог «О законах» («De Legibus»), начат в том же году, имеет ряд лестных ссылок на uetus Graecia и, в частности, на Элевсинские мистерии⁷⁸: «nam mihi cum multa eximia diuinaque uidentur Athenae tuae peperisse atque in uitam hominum attulisse tum nihil melius illis mysteriis, quibus ex agresti immanique uita exculti ad humanitatem et mitigati sumus» (Leg. ii.36)⁷⁹. Получатель этих преимуществ, однако, не Рим, а Демосфена «О венке» (греч. Δημοσθένης) (прим пер. В. П.).

⁷⁸ Один из панэллинистических праздников в честь богини Деметры и ее дочери Кори, на которых посвящаемым в таинства разъясняли смысл жизни и смерти по аналогии с новыми выросшими зернами и погибшими зернами из старого посева. Посвященными, как правило, могли быть только избранные состоятельные греки. Участниками диалога «О законах» являются Аттик и Цицерон, из беседы которых становится ясно, что римляне, будучи в Греции, добились чести быть посвященными, а греки препятствовали этому, как будто римские законы писались только для римского народа, а не для них (прим пер. В. П.).

⁷⁹ «Ибо, если твои любимые Афины, по моему мнению, создали многое исключительное и божественное и сделали это достоянием человека, то самое лучшее — те мистерии, благодаря которым мы, дикие и жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены, как говорится, к таинствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее» (приведено по: Марк Туллий Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / пер. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1966. С. 122).

*vita hominum*⁸⁰ и смутное первое лицо множественного числа. Диалог «О государстве» («*De Re Publica*») закончен в 51-м и, там все более ясно. Сципион в первой книге является автопортретом Цицерона: осторожного эллиниста, который акцентирует свою римскую сущность (**Rep. i.36**; в сравн. с **De Or. ii.154-5**). Фурий Фил спешит уверить его, что никто не сомневается в нем и что все, что он говорит на тему государства, будет гораздо более плодотворным, чем весь корпус греческих текстов. Во второй книге Сципион обобщает римскую историю и объясняет, как превосходство географического положения Рима (состоящее, видимо, в том, что он был на несколько миль в глубине) спасло его от коррупции, которая потоком лилась в греческие острова и в прибрежные города, такие, как Коринф, который олицетворяет всю Грецию (**Rep. ii.7-9**). Афины не особенно хорошо подходят в этом утверждении и поэтому не упоминаются. Позже, в упоминании Сципиона, Коринф перестает быть конечной точкой морского пути коррупции и вдруг становится источником могучей культурной реки, направляющейся к Риму: «*sed hoc loco primum uidetur insitiua quadam disciplina doctior facta esse ciuitas. influxit enim non tenuis quidam e Graecia riuius in hanc urbem, sed abundantissimus amnis illarum disciplinarum et artium: fuisse enim quendam ferunt Demaratum Corinthium...*»⁸¹; и он продолжает рас-

сказывать, как Демарат стал королем под именем Луция Тарквиния и дал своему преемнику Сервию полностью эллинистическое образование (**Rep. ii. 34-37**)⁸².

Цицерон предваряет Книгу III восхвалением говорящих: «*quid P. Scipione, quid C. Laelio, quid L. Philo perfectius cogitari potest, qui, ne quid praetermitterent quod ad summam laudem clarorum uirorum pertineret, ad domesticum maiorumque morem etiam hanc a Socrate aduenticiam doctrinam adhibuerunt?*» (**Там же. iii. 5**)⁸³.

ям. Ведь в наш город притек из Греции не малый, я бы сказал, ручеек, а полноводная река наук и искусств. По преданию, был некто Демарат из Коринфа, несомненно, первенствовавший среди сограждан по своему почетному положению, авторитету и богатству» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / пер. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1966. С. 42).

⁸² Цицерон подчеркивает, что Демарат «изменил свое греческое имя, дабы казалось, что он во всех отношениях перенял обычаи нашего народа», был мудрым правителем и обратил внимание на слугу по имени Сервий, к которому проникся как к сыну, «и с величайшим усердием обучал его всем тем наукам, которые когда-то постиг сам, и дал ему прекрасное образование по греческому образу» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / пер. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1966. С. 43–44).

⁸³ «...можно ли вообразить себе более благородного человека, чем Публий Сципион, чем Гай Лелий, чем Луций Фил, которые, дабы не пройти мимо всего того, чем достигается вся слава, выпадающая на долю знаменитых мужей, прибавили к обычаям отечественным и дедовским также и это чужеземное учение, исходящее от Сократа?» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / пер.

⁸⁰ «человеческая жизнь» (**пер. Я. В.**).

⁸¹ «Но в эти времена граждане, по-видимому, стали более образованными во многом благодаря некоторым чужеземным учени-

Представив, таким образом, греческую философию как что-то дополнительное, он продолжает утверждать, что практичный римский государственный деятель, даже если он на самом деле не философ, настолько близок к нему, что это не имеет никакого значения, так как именно он применяет философию на практике (**Там же. 7**). Очень фрагментарная четвертая книга критикует недостаточную строгость греческого образования, политическую подоплеку греческого театра и легкомыслие, позволяющее актерам участвовать в общественной жизни. Несмотря на пробелы, мы можем быть уверены, что Цицерон либо пренебрегает статусом превосходства греческих актеров или считает такой статус доказательством греческого легкомыслия.

Аргументы в третьей книге «О государстве» («De Re Publica») рассматриваются более полно в Предисловии к «Тускуланским беседам» («Tusculan Disputations»), которые возникли из дискуссий в г. Тускуле в 46-м. Причина возвращения Цицерона к философским исследованиям и к попытке крупной работы на латинском языке выглядит следующим образом: «non quia philosophia Graecis et litteris et doctoribus percipi non posset; sed meum semper iudicium fuit omnia nostros aut inuenisse per se sapientius quam Graecos aut accepta ab illis fecisse meliora, quae quidem digna statuissent in quibus elaborarent» (**Tusc. i.1**)⁸⁴. Что-то подобное мы уже

видели: в начале смелое утверждение универсального римского изобретательства довольно-таки любознательно квалифицировано *sapientius*⁸⁵, затем менее нелепые требования усовершенствования, которые, тем не менее, настолько абсурдны, что они должны быть изменены сразу на *quae quidem digna*⁸⁶. Цицерон затем продолжает утверждать, что по сути своего характера и в отношении практических жизненных дел ни греки, ни кто-либо другой не фигурируют никаким образом. Даже в искусстве греческое превосходство является историческим несчастным и вызванным отсутствием современной римской конкуренции. Возьмем **живопись**: «*doctrina Graecia nos et omni litterarum genere superabat, in quo erat facile uincere non repugnantes*». Take painting: 'an censemus, si Fabio, nobilissimo homini, laudi datum esset quod pingeret, non multos etiam apud nos futuros Polyclitos et Parrhasios fuisse?' (**Там же. i.2-4**)⁸⁷.

и от самих греков – как по книгам, так и от учителей, – но я всегда был того мнения, что наши римские соотечественники во всем как сами умели делать открытия не хуже греков, так и заимствованное от греков умели улучшать и совершенствовать, если находили это достойным своих стараний» (**приведено по**: Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнина; вступ. ст. Г. Кнабе. М.: Худож. лит., 1975. С. 208).

⁸⁵ «мудрее» (**пер. Я. В.**).

⁸⁶ «если они достойны» (**пер. Я. В.**).

⁸⁷ «А чем меньше почета было поэтам, тем меньше и занимались поэзией; так что даже кто отличался в этой области большими дарованиями, тем далеко было до славы эллинов. Если бы Фабий, один из знатнейших римлян, удостоился хвалы за

Принимая во внимание недостаток таланта, все это настойчиво напоминает нам Марциала «sint Maecenates: non deerunt, Flacce, Marones» (**viii. 56.5**)⁸⁸. Все это подводит к провозглашению того, что греческому превосходству в философии теперь впервые брошен вызов. Предисловие к Второй книге — это вариация на ту же тему: «quam-obrem hortor omnes, qui facere id possunt, ut huius quoque generis laudem iam languenti Graeciae eripiant et transferant in hanc urbem, sicut reliquas omnes, quae quidem erant expetendae, studio atque industria sua maiores nostri transtulerunt» (**Tusc. ii.5**; в сравн. с **iv.1**)⁸⁹. Его красноречие теперь соблазняет его еще больше: «quod si haec studia traducta erunt ad nostros, ne bibliothecis quidem Graecis egebimus» (**Там же. ii. 6**; в сравн. с **Div. ii.5**)^{XVII 90}. Это легкомысленное живописание, то можно ли сомневаться, что и у нас явился бы не один Поликлет и Паррасий» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирин; вступ. ст. Г. Кнабе. М.: Худож. лит., 1975. С. 208).

⁸⁸ «Были бы Меценаты, Флакк, в Маронах недостатка не будет» (**пер. Я. В.**).

⁸⁹ «Вот почему я и призываю всех, кто может: отнимем же и эту славу у иссякающей Греции и перенесем ее в наш город, как уже перенесено было стараниями и усердием наших предков все остальное, что того заслуживало» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирин; вступ. ст. Г. Кнабе. М.: Худож. лит., 1975. С. 249).

⁹⁰ «Если бы эти занятия были перенесены к нам, сразу бы явились у нас и книжные собрания, как у греков» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспаро-

вое уменьшение значимости источников видно вновь, когда он уходит в сторону в комментариях по поводу длинных цитат его собственных пояснений греческой поэзии: «itaque, postquam adamavi hanc quasi senilem declamationem, studiose equidem utor nostris poetis. sed, sicubi illi defecerunt, uerti ipse multa de Graecis, ne quo ornamento in hoc genere disputationis careret Latina oratio» (**Tusc. ii.26**)⁹¹. В предисловии к Четвертой книге Цицерон предполагает, что ранние римляне не могли жить настолько близко к грекам южной Италии, не зная что-либо из их философии, и, в частности, пифагореизма. Цицерон приводит в пример остатки пифагореизма — песни, восхваляющие знаменитых людей, которые, как говорил Като, пелись на римских пирах (**Там же. I-5**; **Rep. ii.28**). Вновь он спрашивает: афиняне должны были посылать Диогена и Карнеада в Рим в качестве представителей, если римские высшие классы не были заинтересованы в философии? Их интерес к закону, риторике и истории, говорит Цицерон, подтвержден документами. А что насчет философии? Ответ дается вновь в Третьей книге «Тускуланских

ва, С. Ошерова и В. Смирин; вступ. ст. Г. Кнабе. М.: Худож. лит., 1975. С. 250).

⁹¹ «И так как эти старческие декламации мне понравились, то и я потом стал пользоваться примерами из наших поэтов, а когда их не находилось, то многое переводил с греческого сам, чтобы и латинская речь не оставалась без прикрас такого рода» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирин; вступ. ст. Г. Кнабе. М.: Худож. лит., 1975. С. 256).

бесед»: «hanc amplissimam omnium artium bene uiuendi disciplinam uita magis quam litteris persecuti sunt»⁹². Его последние два аргумента по поводу малоизвестного римского философа настолько же убедительны, как и другие: «sive propter magnitudinem rerum occupationemque hominum, sive etiam quod imperitis ea probari posse non arbitrabantur» (**Tusc. iv.5-6**)⁹³.

Предисловие к «О пределах добра и зла» («De Finibus»), опубликованное в 45-м, посвящено защите перевода греческой философии на латынь и принимает, как должное, значимость оригинала^{XVIII}. Как и в других философских работах, представление Цицерона полно намеков на малую греческую значимость. Благородные жертвы Деции⁹⁴, говорит Цицерон,

⁹² «...высшей из всех наук, науке достойно жить, они служили больше Жизнью своею, чем книгами...» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнина; вступ. ст. Г. Кнабе. М.: Худож. лит., 1975. С. 298).

⁹³ «...наши соотечественники и без того были слишком заняты, то ли потому, что они не хотели браться за такое дело без подготовки...» (**приведено по:** Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнина; вступ. ст. Г. Кнабе. М.: Худож. лит., 1975. С. 298).

⁹⁴ Деции – знатный римский род, представители которого жертвовали жизнью на благо Империи. Цицерон сообщает о том, что консул Публий Деций Мус пожертвовал собой в сражении римлян с латинцами (340 г.), его сын, также консул, погиб в битве с самнитами (295 г.), а внук погиб в битве против Пирра (279 г.). Цицерон пишет об отце, сыне и внуке Дециях как героях и представителях рода, который «явил третью подряд жертву во имя республики»

имеют много параллелей в римской истории и немного в греческой (**Fin. ii.62**), и эти немногие пренебрегаются эпикурейцами: «nonne melius est de his aliquid quam tantis voluminibus de Themista loqui? sint ista Graecorum; quamquam ab iis philosophiam et omnes ingenuas disciplinas habemus; sed tamen est aliquid quod nobis non liceat, liceat illis» (**Там же. ii.67**)⁹⁵. Здесь снова мы можем увидеть, что мысль Цицерона подобна маятнику: в начале — презрительные усмешки, затем — путем извинения выражено уважение, а затем — попытка уменьшить это уважение.

Третья книга посвящена стоицизму, и вступительная ссылка на его технический язык заставляет Цицерона вернуться к своей любимой теме — теме латинского языкового превосходства. Его аргумент любопытен: Зенону, как и любому представителю эзотерического учения, пришлось изобретать новые слова; если он, имея в распоряжении мнимое богатство греческого, был вынужден изобретать, насколько больше римскому философу приходилось это делать, работая в новом жанре? Этот текст трактуется неоднозначно, но смысл кажется очевидным: римская изобретательность (**прим пер. В. П.**).

⁹⁵ «Разве не лучше написать что-то о них, чем болтать в стольких книгах о Фемисте? Ну, хорошо, все это касается греков; хотя именно от них мы получили и философию, и все благородные науки, но все же есть нечто, что позволено нам, но не позволено им» (**приведено по:** Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н. А. Федорова; вступ. ст. Н. П. Гринцера; коммент. Б. М. Никольского. М.: РГГУ, 2000. С. 104.).

тательность имеет в своем распоряжении более богатый язык, чтобы работать. Затем Цицерон остановился на том, что новаторская часть этой богатой римской лексики состоит из греческих слов, и поэтому он вставляет другое из его видоизмененных модификаций: «quamquam ea uerba, quibus instituto ueterum utimur pro Latinis, ut ipsa philosophia, ut rhetorica, dialectica, grammatica, geometria, musica, quamquam Latine ea dici poterant, tamen, quoniam usu percepta sunt, nostra ducamus» (Там же. iii.5; в сравн. с iii.15, в неск.местах)⁹⁶. В последнем абзаце «О пределах добра и зла» Аттик поздравляет Цицерона с успехом его предприятия: «sed mehercule pergrata mihi fuit oratio tua. quae enim dici Latine posse non arbitrabar ea dicta sunt a te, nec minus plane quam dicuntur a Graecis, uerbis artis» (Там же. v.96; в сравн. с выше, р. 148, п. 2)^{xix}⁹⁷. Здесь равенство с греками — высокая похвала, и эта похвала находится

⁹⁶ «Впрочем, будем считать нашими те слова, которыми мы издревле пользуемся как латинскими, поскольку они вошли в употребление, например: философия, риторика, диалектика, грамматика, геометрия, музыка (хотя все это можно было бы выразить и по-латыни)» (приведено по: Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н. А. Федорова; вступ. ст. Н. П. Гринцера; коммент. Б. М. Никольского. М.: РГГУ, 2000. С. 129.).

⁹⁷ «...честное слово, речь твоя мне очень понравилась. То, что мне казалось невозможным сказать по-латыни, ты сказал точными словами, ничуть не менее гладко, чем говорят греки» (приведено по: Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н. А. Федорова; вступ. ст. Н. П. Гринцера; коммент. Б. М. Никольского. М.: РГГУ, 2000. С. 242).

в зависимости от признания того, что доцицероновская латынь была недостаточной для описания философии.

Мы видели Цицерона, как Тацита, в другой области, постоянно свидетельствующего против самого себя. Исходя из его собственных слов, мы обвиняли Цицерона в двух основных противоречиях. Во-первых, он был в большом долгу перед греческой культурой и все же умалял ее значимость при каждом удобном случае. Он был по-настоящему влюблен в греческую литературу, однако ему хотелось обойтись без нее. Сегодня мы можем понять такого рода вещи, если только мы будем помнить частые ссылки Цицерона на тех, кто не верил в саму возможность существования римской литературы. Мысль Цицерона была сформирована прежде, чем Рим признал литературу как таковую. Его образованные современники, возможно, были не столь впечатлены, как он, трудами второго и третьего веков. И сам Цицерон, который страстно жаждал великой национальной литературы, не понимал, что она пришла с Катуллом и Лукрецием⁹⁸. Также при всем его недостатке скромности он не понимал, что сам создал классическую латинскую прозу. Теперь мы смотрим с удобной исторической дистанции и понимаем противоречия и подъем латинской литературы в течение жизни Цицерона: замену прозы Катона на прозу Цицерона, ход истории от Валериев к Саллюстию, затмение са-

⁹⁸ Древнеримские поэты, современники Цицерона и продолжатели древнегреческой поэтической традиции (прим пер. В. П.).

тиры и смерть драмы, совершенствование элегии и лирики от их грубых истоков до зрелости Катулла, взлет и падение певцов Эфориона, техническое совершенствование шестистопного стихотворного размера в интеллектуальных и страстных поэмах.

Цицерон был не в том положении, чтобы так спокойно давать оценку. Он боролся, как боролся Сципион, чтобы дать римской душе шанс заявить о себе в трудах так же хорошо, как и в жизни. Были греки, которые позволили ему осознать, что римская литература может существовать, именно они способствовали его раннему росту; именно они и формировали его сознание, тренировали его интеллект и заостряли его перо. И все же это были те же самые греки, которые своим ужасным доминированием не давали римской литературе достигнуть должного статуса. Отсюда *odi et amo*⁹⁹ и *nec tecum possum vivere nec sine te*¹⁰⁰; отсюда гипербола, спутанность сознания, шизофрения. Считаю, что нам бы следовало понимать все это сегодня, потому что у нас теперь есть длинная история культурного конфликта и потому, что мы живем в мире, где можем увидеть новые культуры, которые рождаются или изо всех сил пытаются выжить и развиваться. Европеизированные африканец или азиат, стремясь найти свою душу, реагирует на Европу почти так же, как Цицерон на Грецию. Или, если не нравится Цицерон, то как Альбуций (**Fin. i.8**)¹⁰¹. Только

редкая душа может найти баланс.

Большая разница между Римом и сегодняшними новоявленными культурами заключается в том, что Рим был политическим хозяином^{XX} и, казалось, что будет оставаться таковым; и римлянин, который нанимал греческих рабов в социальном плане, также был хозяином. Но все это только сделало греческое культурное превосходство более возмутительным. Это подводит нас ко второй ключевой непоследовательности Цицерона. Он признал, что греческая культура, даже современная греческая культура была стоящей, и все же, несмотря на его увещевания Квинту, он относился к живым грекам с высокомерным покровительством или испепеляющим презрением. Но Цицерон, как и его дед до него, ничего не знал о необходимости быть последовательным^{XXI}. В самом деле, их положение было таким, что последовательность была практически невозможна. Греческое завоевание Рима происходило уже более ста лет: это был жестокий факт, с которым каждый римлянин должен был согласиться. Если внешняя смиренность или даже добровольное приветствие шли вразрез с его эмоциональной реакцией на живущих греков, кто мы, чтобы этому поражаться? Кто мы, чтобы ожидать комплексный ответ?

Несколько лет назад Палестина была территорией, подконтрольной линофил и современник Цицерона, римлянин по происхождению и грек по убеждению. Получив образование в Афинах и долгое время находившись там в изгнании, настолько проникся эпикуреизмом, что заявлял о своем нежелании считаться римлянином (**прим пер. В. П.**).

⁹⁹ «ненавижу и люблю» (**пер. Я. В.**)

¹⁰⁰ «ни с тобой не могу жить, ни без тебя» (**пер. Я. В.**)

¹⁰¹ Тит Альбуций (лат. Titus Albucius) – эл-

Британцам. Британцы, которые управляли ею, знали, что ее цивилизация старше и имеет более глубокие корни, чем их собственная. Они знали — если они вообще об этом думали — что духовная жизнь в их собственной стране была в вечном долгу перед древними иудеями; они могли даже заявить об этом публично. И все же, по ряду причин, они могли в то же самое время быть в мягкой степени и открытыми антисемитами. Они могли бы, с другой стороны, быть сионистами. Если они не были не теми и не другими, то отчасти потому, что были обучены воспринимать людей просто как мужчин и женщин, а не как евреев, арабов и язычников, отчасти потому, что на гражданской службе их обучали быть безучастными, но, возможно, больше всего, потому что их дома и их будущее на другой земле. Ничто из всего этого не могло помочь Цицерону. Его философские концепции указывали путь к человеческому братству, но им все еще предстоял долгий путь. Цицерон, возможно, был просто должностным лицом, но он, конечно, не был государственным служащим, и он был бы ничем, если бы был безучастным. Его будущее было будущим его страны, и чем темнее становилась ее судьба, тем громче он протестовал о ее величии.

Он никогда не был середнячком и узким националистом, каким стал Ювенал, когда проснулся от его республиканских снов, чтобы найти себя в обществе, которое больше принимало во внимание умелого или богатого иностранца, чем кого-либо с самой голубой римской кровью. Цицерону было рановато для этого, но и не до-

статочно поздно, чтобы воспринять Грецию как должное, как это делал Гораций. Гораций мог оглядываться назад и заявлять как само собой разумеющееся:

Græcia capta ferum uictorem cepit
et artis

intulit agresti Latio (Ер.
ii.1.156f)¹⁰².

Но Гораций, с одной стороны, опирался на Цицерона, и, с другой стороны, Вергилий был рядом с ним; правда, ему приходилось защищать свою современность от консерваторов, но он дожил до статуса придворного поэта и увидел, как его поэзия давалась в школьных книгах. Также Цицерон не был по-настоящему открытым эллинистом, как Сципион (**De Or. ii.154-5** это, конечно, гораздо интереснее для Сципиона, чем **Rep. i. 36**). Но Сципион жил в радостной уверенности утра римского эллинизма; и он был аристократом, абсолютно уверенным в себе, а не *novus homo*¹⁰³, которому завидуют, и не защитником, имеющим соблазн сыграть на популярных предубеждениях. Самый болезненный контраст просматривается с современником Цицерона — Лукрецием: вопиющая неблагодарность со злопамятностью, изощренные почести и щедрые похвалы с лирическими благодарностями от *primus Graius homo*

¹⁰² «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, В Лаций суровый внес искусства...» (приведено по: Гораций. Послания / пер. Н. Гинцбурга // Квинт Гораций Флакк. Оды. Эпизоды. Сатиры. Послания / комм. и вст. ст. М. Гаспаров. М.: Худ. лит-ра, 1970. С.369).

¹⁰³ «Высочкой» (пер. Я. В.).

(**Lucr. i. 66 ff**)¹⁰⁴. Но Лукреций все же совсем иной: более удаленный от общественной жизни, чем Гораций; он даже не являлся членом литературного кружка. Он перенял гекзаметр¹⁰⁵ и прочее от ранних поэтов, но никогда не принадлежал к чьему-либо движению. Он был одиноким гением, совершенным и полностью *sui generis*¹⁰⁶. Он не был увлечен литературой, как Цицерон, он просто писал ее. Он писал вещи, которые казались ему верными и важными. Он высоко оценил Эпикура, потому что он считал, что тот был прав.

Это была неприемлемая позиция для Цицерона. Когда он читал греческих философов, возникали невольное преклонение перед великими умами и сиюминутное увлечение поиском истины, которые подкреплялись постоянным движением к своей цели — извлечению из греческой философии того, что может быть полезным рим-

¹⁰⁴ «Первого грека» (пер. Я. В.).

¹⁰⁵ Шестистопное стихосложение (пер. Я. В.).

¹⁰⁶ «Своеобразным» (пер. Я. В.).

скому оратору: «*hanc enim perfectam philosophiam semper iudicavi, quae de maximis quaestionibus copiose posset ornateque dicere*» (**Tusc. i.7**; в сравн. с **iv.7**)¹⁰⁷. Именно эта избирательность и сделала его с самого начала неспособным понять греческий ум. Совместно с его обычными человеческими слабостями во времена особого стресса, эта избирательность ограничивала и ломала его интерпретацию^{xxii}. Но откуда избирательность? Из школы, в которой он обучался и которая была уже старой, когда он родился; школы, которая перемешала философию с риторикой. Если Цицерон и не был настоящим грекофилом, то отчасти потому, что он любил не тех греков.

¹⁰⁷ «Ведь я всегда полагал, что только та философия настоящая, которая о самых больших вопросах умеет говорить просто и красноречиво» (приведено по: Цицерон. Тускуланские беседы // Цицерон. Избранные сочинения / сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова, В. Смирнова. М.: Худ. лит., 1975. С.209–210).

I — Там же. 9.2. Для порицания своих предпочтений и сомнений по поводу его энтузиазма см.: G. Showerman, *Am. Journ. Phil.* XXV (1904), 306-14.

II — Parad. V.2. 37, «*intuentem te, admirantem, clamores tollentem cum vid eo, segrum esse ineptiarum omnium iudico*». «И когда я вижу, как ты лобуешься всем этим, издавая возгласы восхищения, я признаю тебя рабом всей этой чепухи» (приведено по: Цицерон. Парадоксы стоиков // О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. с лат. Н. А. Федорова; вступ. ст. Н. П. Гринцера; коммент. Б. М. Никольского. М.: РГГУ, 2000. С. 468).

III — Использование этого слова для обозначения титула современника Цицерона Антиоха I из Коммагены (на это мне любезно указал профессор Momigliano), подтверждает эту интерпретацию. См.: R.E. i. 2487 ff., s.v. 'Antiochos (37). Цицерон повторяет это заявление в Flac. 9: «*nam si quis unquam de nostris hominibus a genere isto studio ac uoluntate non abhorrens fuit, me et esse*

arbitror et magis etiam tum cum plus erat otii fuisse». «Ведь если кто-нибудь из ваших соотечественников, по своим стремлениям и склонностям, не чуждался этих людей, то это, полагаю, был именно я. И я был таким именно тогда, когда у меня было больше досуга». (приведено по: Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Луция Валерия Флакка // Вестник древней истории. — 1986. — №4. — С. 192-193).

IV — P. Hentzner, Travels in England (1598), from J. Dover Wilson, Life in Shakespeare's England (Harmondsworth, 1944), 18.

V — Q.Fr. i.1.6, «constat enim ea provincia primum ex eo genere sociorum, quod est ex hominum omni genere humanissimum». «Ведь эта провинция состоит, во-первых, из того рода союзников, которые являются наиболее просвещенными среди человеческого рода» (приведено по: Цицерон. Титу Помпонию Аттику, в Эпир // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В. О. Горенштейна. — М.-Л. : АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68—51) — С. 91).

VI — Juvenal (III. 61) использует термин «грек» так же вольно, а затем сдерживает себя: «quamvis quota portio faecis Achaei?» «Пусть слой невелик осевших ахейцев» (приведено по: Ювенал. Сатиры / пер. Д.С. Недовича. — Кн. I // [Эл. ресурс] <http://www.ancientrome.ru/antlit/juvenal/juvenal3.html>)

VII — Обманчивость греческих чиновников уже осуждалась греческим Полибусом, который говорит нам (vi 56. 13; в сравн. с 38. 4), что даже десять печатей и двадцать свидетелей не могут гарантировать надлежащего применения одного таланта (денежная единица — прим пер. В. П.).

VIII — Опять же были достойные уважения исключения в лице свидетелей защиты, например, жители Аполлониды: «homines sunt tota ex Asia frugalissimi, sanctissimi, a Graecorum luxuria et levitate remotissimi, patres familias suo contenti, aratores, rusticani» (Flac. 71). «Ведь они — самые рачительные, самые неподкупные люди во всей Азии, очень далекие от развращенности и ничтожности греков, довольные своим положением отцы семейств, землепашцы, сельские жители» (приведено по: Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Луция Валерия Флакка // Вестник древней истории. — 1986. — №4. — С. 207). Например, его великолепное свидетельство греков Марселя: «cuius ego ciuitatis disciplinam atque grauitatem non solum Graeciae sed haud scio an cunctis gentibus antependam iure dicam» (Flac. 63). «Установления и значение этой гражданской общины, скажу я, по всей справедливости следует поставить выше установлений и значения не только Греции, но, пожалуй, и всех народов» (приведено по: Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Луция Валерия Флакка // Вестник древней истории. — 1986. — № 4. — С. 205).

IX — Commentariolum не мог быть написан Квинтом и не был, конечно, написан в 64-м (см М. I. Henderson, JRS XL (1950), 8—21), но он все равно явля-

ется доказательством этой кампании и не противоречит другим доказательствам в рамках этой статьи.

X – Сравните нападение на новых присяжных Антония в *Phil. v. 5. 12*: «*legit aleatores, legit exsules, legit Graecos*». «Собрал игроков, собрал изгнанников, собрал греков» (пер. Я. В.)

XI – *De Or. i. 47, 221. In i. 47* говорит Красс, в п. 221 Антоний но, поскольку Антоний говорит о *inertum et Graeculum* («дураке и гречонке»), и так как он предвидит комментарии Красса (II. 18) по поводу греческого *inertia* («глупость»), то оба оратора могут восприниматься как представляющие Цицерона (пер. Я. В.).

XII – Цицерон, хорошо осведомленный о бедной лексике латинского языка, всегда в поиске доказательств обратного. В *Tusc. II.35* он очарован открытием того, что *λόγος* одновременно как *labor*, так и *dolor*: «*o uerborum inops interdum, quibus abundare te semper putas, Graecia!*» «О Греция, как порою ты скудна в своем обилии слов!» (приведено по: Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирин; вступ. ст. Г. Кнабе. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 259). См. ссылки ниже, с. 156, п. 5.

XIII – «*Maccus uortit barbare*» («Макций перевел на варварский язык») исылкав Т. J. Haarhoff, *The Stranger at the Gate (Oxford, 1948)*, 216-21. В *Rep. i. 58* Лелий различает: «*sin id nomen moribus dandum est non linguis, non Graecos minus barbaros quam Romanos puto*» «...если же такое имя следует давать на основании нравов, а не на основании языка, то я не думаю, чтобы греки были варварами в меньшей степени, чем римляне» (приведено по: Цицерон. О государстве // Марк Туллий Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / пер. В. О. Горенштейна. – М.: Наука, 1966. – С. 27)

XIV – Архий был клиентом Лукулла - соперника Помпея; возможно, Цицерон, разочарованный прохладностью Помпея, хотел немного себя утвердить.

XV – Там же. *i. 198. В Resp. IV.10* превосходство Рима показано через низкий статус актеров.

XVI – Другой Сципион и другая позиция Цицерона см.: *Rep. i. 36*.

XVII – «*magnificum illud etiam Romanisque hominibus gloriosum, ut Graecis de philosophia litteris non egeant*». «Это будет великолепно и, без сомнения, прославит римлян, если они не будут более нуждаться в книгах по философии, написанных греческим письмом» (приведено по: Цицерон. О дивинации // Цицерон. Философские трактаты / пер. с лат. М. И. Рижского. – М.: Наука, 1985. – С. 243). Фактически, не говоря так, Цицерон полагает, что любой римский долг Греции отменяется.

XVIII – Также существует предположение, что сильно выражено в *in Off. ii. 5*: «*maxi misigitur in malis hoc tamen boni assecuti uidemur ut ea litteris mandaremus, quae nec erant satis nota nostris et erant cognitione dignissima*». «Итак, среди величайших зол я все-таки, по-видимому, добился вот какого блага: я записывал

все то, что не было достаточно известно соотечественникам и в то же время было вполне достойно того, чтобы они это знали» (**приведено по:** Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Цицерон ; пер. В.О. Горенштейна. — М. : Наука, 1974. — С.100); в сравн. с Div. ii.I; N.D. i.7, 91; Off. i.1.

XIX — Для других языковых требований см.: N.D. i.8; Fin. i.10; iii.5; Tusc. ii.35; iii.10-11, 16, 23; Div. i.1; Sen. 45. **Для простой честности в этом деле см.** Vitruvius v.4.6: «harmoniaa uteme st musical itteratura obscura et difficilis, maxime quidem quibus Graecae litterae non sunt notae. quam si uolumus explicare, necesse est etiam Graecis uerbis uti, quod non-nulla eorum Latinas non habent appellations». «Гармония же есть музыкальный предмет, темный и трудный, в особенности для тех, кому неизвестен греческий язык. Если мы хотим изложить его, нам тоже придется пользоваться греческими словами, так как некоторые из них не имеют латинских соответствий» (**приведено по:** Витрувий. Десять книг об архитектуре / пер. Ф.А. Петровского. — М.: Изд-во Академии архитектуры // [Эл. ресурс] <http://antique.totalarch.com/vitruvius/5/4>)

XX — Здесь сравнение с Южной Африкой поучительно. К нему ярко обращается профессор Т. J. Naarhoff в «Незнакомце в воротах» (Оксфорд, 1948). Африканец овладел политическим искусством и имеет языковой паритет, но он по-прежнему борется за свою культуру.

XXI — Само собой разумеется, что Цицерон, как и его отец и, возможно, его дед, дал сыну греческое образование. И это не удивительно, если африканец, который публично нелестно отзывался о Европе, заботится о том, чтобы отправить своего ребенка в школу с высокой долей европейских учителей. Если он может себе это позволить, то он отправляет их в Европу.

XXII — Очень жаль, что в течение сотен лет, не считая арабских переводов, греческие философы были известны в Европе в основном через Цицерона. Они оказали такое влияние отчасти из-за того, что их смыслы сохранились и в его интерпретации, и отчасти потому, что узкое видение самого переводчика было все равно достаточно широким, чтобы много в себя вместить.